JAHON IQTISODIYOTI VA DIPLOMATIYA UNIVERSITETI

XALQARO MUNOSABATLAR

SIYOSAT, IQTISOD, HUQUQ

ILMIY-NAZARIY JURNAL

1/2006
(№23)

BOSH MUHARRIR: H.S. KARAMATOV

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI:

R.F.Farmonov, A.O.Fayzullayev, I.A.Hamedov, N.A.Kasimova, E.R.Mahmudov, I.R.Mavlonov, G.Matkarimova, N.R.Nasirova, K.Q.Rashidov, N.Sirojiddinov, M.T.Turdiyev, M.M.Bahadirov (bosh muharrir o'rinbosari), Q.X.Xonazarov (mas'ul muharrir), B.A.Xo'jayev, T.V.Zaytseva.

TELEFONLAR: 67-07-41; 67-94-07; FAKS: 67-09-00
TAHRIRIYAT MANZILI: 700113, Toshkent, Buyuk Ipak yo'li, 54.

Ushbu sonni tayyorlaganlar:

Nashr bo'limi mudiri T.V.Zaytseva
Muharrirlar: L.B.Hodanovich, S.Matchonov, A.M.Bicherova
Original-maket va dizayn: I.A.Semenyuk

Ushbu son BMTTD moliyaviy ko'magida tayyorlandi.

This volume has been published with support of UNDP Country Office in Uzbekistan

JIDU ruxsatisiz qayta chop etish man qilinadi.
Ko'chirib bosilganda «Xalqaro munosabatlar» jurnali ko'rsatilishi shart.
Tahrir hay'ati fikri muallif fikridan o'zgacha bo'lishi mumkin.
Qo'lyozmalar, suratlar qaytarilmaydi.

Перепечатка без разрешения УМЭД не допускается.
При перепечатке ссылка на журнал «Xalqaro munosabatlar» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.
Рукописи, фотографии, рисунки не возвращаются.

Ushbu nashr 068 raqami bilan qayd etilgan

Formati 70x100 1/16. Hajmi 8,4 b.t. Nusxa soni 300. Kelishilgan narxda.
"PATENT PRESS" korxonasida chop etildi. Toshkent, To'y tepa ko'chasi, 2a.

© Xalqaro munosabatlar, 2006.

МУНДАРИЖА

SIYOSAT

М.А. Абдураззакова
СЕКУЛЯРИЗМ ДЖ. НЕРУ – ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИНДИИ 5

Б.Б. Очилов
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 13

Bobokulov I.
CENTRAL ASIA: IS THERE ALTERNATIVE TO REGIONAL INTEGRATION? 21

IQTISODIYOT

И.Р.Мавлонов
СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ В ПРИВЛЕЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ 28

Т.С.Расулов
ВАЛЮТА СИЁСАТИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШНИНГ БАЪЗИ ХАЛҚАРО ЖИҲАТЛАРИ 36

Ш.Хусаинов, Б.Эргашев
МАЛАЙЗИЯ ИҚТИСОДИЁТИ ВА УНИНГ РИВОЖЛАНИШ ХУСУСИЯТЛАРИ 41

HUQUQ

Н.Р.Насырова
КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ 45

А.Мирзаев
О СООТНОШЕНИИ СФЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 50

М.Н. Мамаюсупов
АТРОФ-МУҲИТГА БЎЛГАН ҲАЛҚАРО ҲУҚУҚИЙ БАЗАНИНГ ВУЖУДГА КЕЛИШИ 55

MA'NAVIYAT VA MA'RIFAT

G.Tabak
UNIVERSAL AND NATIONAL CULTURES IN THE POLICY OF UZBEKISTAN 60

С. Саидходжаев, А. Кучкаров
РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА 65

Dr. Jyotsna Bakshi
INDO-UZBEK COOPERATION IS IN DEVELOPMENT 70

М.А. Абдураззакова,
кандидат исторических наук

СЕКУЛЯРИЗМ ДЖ. НЕРУ – ОСНОВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИНДИИ

Республику Индия многие современные ученые-политологи по праву считают образцом «азиатской демократии, парламентаризма и секуляризма». Индия - одна из древнейших и крупнейших стран мира - многонациональное государство, страна многих религий. Здесь проживает свыше 1 млрд человек, представленных 800 национальностями и племенами, говорящими на 1652 языках и диалектах. Это поликонфессиональная страна, в которой 82,6% населения исповедуют индуизм, 12,2% - ислам, 2,34% - христианство, 1,94% - сикхизм, 0,76% - джайнизм и 0,40% - другие религии.

Такое мультиэтническое общество могло существовать только в секуляристских условиях. Первые элементы секуляризма появились еще в древний период возникновения индийских государств[1], истоки секуляризма усматриваются в самой религии индуизма[2]. Окончательное формирование и возникновение секуляризма в его нынешнем виде связано с колониальным периодом истории страны - последней четвертью XIX века[3]. Эта концепция, на наш взгляд, вполне оправданна, ибо ее формирование непосредственно связано с освободительной борьбой индийцев против колониального порабощения, развитием капиталистического уклада в многоукладном индийском обществе, процессом складывания индийских этносов и ростом национального самосознания народов, стремлением лидеров страны использовать религию в политике поликонфессионального общества для вовлечения народных масс в борьбу за независимость своей родины. Идеи секуляризма соответствовали целям и принципам сплочения народа и завоевания национальной независимости, ибо только они могли стать цементирующим фактором для масс, принадлежащих к различным религиям, исторически сложившимся пластам культуры. Секуляристы, в свою очередь, всегда считали, что все религиозные представления есть не что иное, как различные пути, ведущие к одной цели.

Благодаря секуляризму культура Индии впитала в себя влияние искусства, музыки, архитектуры ислама и других религиозных движений многих времен и народов мира. И, по мнению известнейшего мыслителя и крупного государственного деятеля Индии Махатмы Ганди, культура Индии не является ни индуистской, ни исламской, ни какой-либо другой, это прочный сплав многих культур.

[1] *Madan T.N.* Modern Myths; Locked minds. Secularism and Fundamentalism in India. Oxford, New York, 1998. P. 177-185.

[2] *Chaudhuryi, Nirad C.* Hinduism: A religion to live by. New Delhi: B/I/Publications, 1979, p.10-18. *Sharma Sri Ram*/ The religions policy of the Mughal emperors. Bombay, 1962, p. 99-120.

[3] *Swomley G.M.* Religious liberty and the secular state. New York, 1987, p. 25-28.

Джавахарлал Неру (1889-1964) с огромным уважением относился ко всем религиям мира. Не отрицая благородных побуждений основателей религий, их приверженцев, он вместе с тем отмечал: «Старые религии стремятся охватить и регулировать все стороны нашей повседневной жизни. Так, индуизм и ислам, помимо своих чисто религиозных учений, определяют кодексы общественного поведения и нормы, регулирующие брак, наследование, гражданское и уголовное право, политическое устройство и фактически все остальные области жизни. Другими словами, они определяют всю структуру общества и пытаются увековечить ее с помощью религиозной санкции и авторитета... Это увековечение религией общественной структуры затрудняет ее изменение. Поэтому ... прогрессивные деятели стремились отделить религию от общественной структуры и общественных институтов»...[1] Взгляды этих деятелей Дж. Неру полностью одобрял и разделял. В своей книге «Открытие Индии» он писал, что «религия в том виде, в каком ее использовали и признавали даже мыслящие умы, будь то индуизм, ислам, буддизм или христианство, меня не привлекала. Она казалась мне тесно связанной с суевериями и догматическими верованиями, а подход ее к проблемам жизни определенно не был научным... И все же было очевидно, что религия отвечает какой-то глубоко ощущаемой внутренней потребности человеческой души и что огромное большинство людей во всем мире не может обойтись без тех или иных религиозных верований. Религия породила много прекрасных людей, но также и много фанатичных, ограниченных, жестоких тиранов. Она внесла в человеческую жизнь много духовных ценностей..., которые составляют фундамент морали и этики»[2].

Дж. Неру писал, что опасность религии заключается в том, что она «переходит в мистицизм, метафизику...», а мистицизм является «не суровой дисциплиной ума, а капитуляцией рассудка, жизнью в море эмоциональных восприятий...», которая «может привести к самообману»[3]. Он возмущался проповедью религией морали подчинения, безропотности, пассивности и протестовал против увековечения религией бедности и страданий.

Дж. Неру критиковал религию не только за то, что она развивает в людях чувство покорности, смирения, но, главное, за то, что религия является оружием в культивировании тенденций ненависти, порывов к насилию, убийству иноверцев. На протяжении всей своей жизни он сталкивался с фактами индуистско-мусульманских столкновений в стране как в колониальный период, так и в годы независимости. Его потрясла индуистско-мусульманская резня в период раздела Индостана[4].

Неру полагал, что религия препятствует четкому, ясному мышлению, тормозит развитие разума у человека, его интеллекта, подчеркивал беспочвенность ее догм, удаленность от жизни. «Нам надо освободиться от этого узкого религиозного мировоззрения, от этой безумной склонности к сверхъестественным влияниям религиозно-обрядового и мистического эмоционализма на дисциплину ума... Поэтому Индия должна умерить свою религиозность и обратиться к науке», - считал он[5].

Дж. Неру не считал себя религиозным человеком. Изучение мировой истории и общение с массами в 1920-30-х

[1] *Неру Дж.* Автобиография.-М., 1955; *Он же*: Взгляд на всемирную историю. Т. 1-3. М., 1975; *Он же*: Открытие Индии.-М., 1955.

[2] *Неру Дж.* Открытие Индии. Указ. изд., с. 11.

[3] Там же, с. 12.

[4] Подробнее см.: *Kumar Krishna.* Fundamentalists and Society.-Chicago, 1993, p. 56-70.

[5] *Неру Дж.* Открытие Индии. Указ. изд., с. 572.

годах привели его к мысли о негативной роли религии в общественных отношениях. «Он видел перспективу Индии в секуляристском обществе», - пишет индийский ученый Т.Н. Мадан[1].

Дж. Неру подчеркивал, что его прежде всего интересует жизнь современного мира. В его представлении будущее - за наукой, которая теснит незнание и расширяет сферу познания человека.

Но критика религии у Неру не всегда была последовательной. В его концепциях относительно религии можно обнаружить определенные открытые или завуалированные уступки. Выступая против догматических канонов веры, выдающийся мыслитель все же признавал необходимость сохранения какой-либо веры. Отрицая идею бога, он вместе с тем признавал наличие некоего творческого духа или его элементов за пределами физического материального мира[2].

Дж. Неру придавал большое значение идее духовности, которую (как он сам вынужден был признать) невозможно отделить от религии. Он признавал, что вне религии способа поддержания моральных и духовных ценностей он не знает[3]. «Религия может быть хороша, когда она применяется к этике и нравственности, но когда она вторгается в сферу политики, то оказывает на нравственность отрицательное влияние»[4].

Дж. Неру подчеркивал существование конфликта между наукой и религией. «Наука сегодня бросает вызов старой концепции религии. Но если бы религия имела дело не с догмами и ритуалами, а, скорее, с высшими ценностями жизни, не было бы никакого конфликта между религией и наукой или между религиями»[5]. Следовательно, высшие ценности жизни - этика, идеалы, вера в прогресс, - по убеждению Дж. Неру, непосредственно связаны не с официальной религией, а с религиозным чувством и религиозно-философскими поисками[6]. Внутренняя религиозность (при отрицании догм и ритуалов религии) была свойственна Дж. Неру даже в пору его увлечения научным социализмом. В 1931 г. он писал, что религия «в ограниченном смысле» его не привлекает, но в «широком смысле» она помогает мне заглянуть в божественную сущность... Это было бы невозможно без полного развития нравственного чувства. Поэтому религия и нравственность для меня синонимы»[7]. Как человек высокой культуры, он призывал к религиозной терпимости, призывал к миру между религиозными общинами. «Что касается меня, - писал он, - то моя религия - терпимость ко всем религиям, учениям и философским школам»[8].

По мнению Дж. Неру, приоритет в жизни и развитии общества остается не за религией и духовностью, а за наукой. Он понимал, что прогресс народов невозможен без развития и процветания науки, подчеркивая ее роль в формировании мировоззрения человека. Сравнивая религию и науку, Неру указывал, что в то время как религия стремится заключить истину «в жесткие формы и догмы», наука раскрывает истину и враждебна догматизму[9]. Она

[1] *Madan T.N.* Secularism and Fundamentalism in India. Modern Myths, Locked minds, Delhi, 1997, p. 238-239.

[2] Подробнее см.: *Литман А.Д.* Современная индийская философия. -М.,1985. С. 323.

[3] *Brecher M.* Nehru. A Political biography. - London, 1952, p. 608.

[4] *Brecher M.* Nehru. A Political biography. Op. cit., p. 608.

[5] Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol.3, p. 242; vol. 4, p. 6.

[6] Подробнее см.: *Мартышин О.В.* Политические взгляды Махандаса Карамчанда Ганди. - М., 1970. С. 81.

[7] Select works of Jawaharlal Nehru. Vol.5, p.318, 320.

[8] *Karanjya R.K.* The mind of Mr. Nehru. L., 1960, Цит. по: *Мартышин О.В.* Указ. соч. С. 82.

[9] Gopal Servopalli. Jawaharlal Nehru: An anthology, p. 310.

помогает людям понять силы природы, раскрыть ее загадки, которые служители культа пытаются использовать в своих целях. «Научный подход, - писал он, - дерзновенный и вместе с тем критический дух науки... жесткая дисциплина ума - все это необходимо не только для применения в науке, но и для самой жизни и разрешения многих ее проблем»[1]. Однако он склонялся к мысли, что человек сможет обрести «власть над собой» лишь в сфере религиозного сознания[2]. В конце жизни он высказал идею своеобразного синтеза науки и религии. «Четыре великие религии оказали и продолжают оказывать влияние на Индию, в то время как мы весьма преуспеваем в области техники и индустриализации без какого-либо видимого конфликта между наукой и религией. Возможно, высшей привилегией Индии остается выработка такого синтеза»[3].

Особый интерес представляют взгляды Дж. Неру на реформаторское движение в религиях. Оно оказало большое влияние на освободительную борьбу в стране в колониальный период и продолжает играть важную роль и в наши дни в Индии. Реформаторские движения в колониальных и зависимых странах Неру трактовал как попытку модернизации религии, своеобразный синтез прошлого и настоящего[4]. Понимая ограниченность религии и признавая научный подход, он вместе с тем был против стремлений религиозных реформаторов доказать, что современные знания можно уложить в рамки догм и толкований священных писаний. Но, считая, что в современном мире допустимо множество подходов к жизненным проблемам, он не исключал полностью и религиозный подход. Этого мыслителя привлекает религиозный скептицизм, который является «вариантом религиозного мировоззрения с большой дозой рационального и с существенными отличиями от культовых систем»[5]. Этот скептицизм был непосредственно связан с процессом реформаторства в религии.

Активизацию реформаторства в индуизме Неру связывает с развитием товарно-денежных отношений и позже - с началом развития капиталистических отношений в стране во второй половине XIX - начале XX в., которые, по его мнению, способствовали становлению начального этапа формирования новой идеологии, возникшей в форме религиозного реформаторства и долгое время развивавшейся именно в этом русле[6].

Попытку приспособить индуизм к этой новой обстановке сделал раджа Рам Мохан Рой. Он возглавил движение «Брахмо самадж», в основу которого легли определенные рационалистические идеи и требования социальных реформ»[7]. Религия начинала приспосабливаться к требованиям нового времени.

Дж. Неру подчеркивал, что Р. М. Рой был первым, кто выдвинул идеи концептуальной совместимости христианства, индуизма и, что особенно важно, - ислама. Дж. Неру отмечал особенность реформаторских движений этого периода, подчеркивая, что их лидеры «пытались сочетать, насколько возможно, новые научные и политические идеи, пришедшие с Запада, со своими старыми религиозными понятиями и обычаями... Они не могли игнорировать окру-

[1] *Неру Дж.* Открытие Индии. Указ. изд., с. 563.
[2] Там же. с. 562-563.
[3] Цит. по: *Литман А.Д.* Современная индийская философия. Указ. изд., с. 324.
[4] Selected works of Jawaharlal Nehru (SWJN), vol.3, 1972, p. 76.
[5] *Неру Дж.* Автобиография. Указ. изд., с. 398.
[6] *Pal B.* Studies in Bengal renaissance. Jadovpur, 1958, p. 67.
[7] *Varma V.P.* Modern Indian Political thought. Agra, 1964, p. 195.

жающий их новый мир науки, политических и социальных идей. Однако, вместо того, чтобы идти вперед, они все время украдкой оглядывались назад», - пишет он[1].

Неру отмечал двойственную и противоречивую роль религиозно-реформаторского общества в освободительном движении страны. Реформация на этом этапе освободительного движения заключалась, по мнению Дж. Неру, в изменении роли религии, которая являлась своеобразной платформой для формирования идей национализма в условиях начального этапа развития капиталистических отношений. Реформаторы стремились придать индуизму особый характер - наднациональной всемирной религии[2].

Таким образом, термин «реформация», «реформаторство» в индуизме Дж. Неру употреблял для обозначения процесса сознательного изменения религиозных концепций индуизма, его функций и роли в период формирования буржуазных отношений в Индии. Он понимал роль буржуазной реформации в процессе политизации религии и писал: «Поднимающаяся буржуазия проявляла склонность не столько к религиозным исканиям, сколько к политике, но ей нужны были какие-то культурные корни, на которые она могла бы опираться»[3]. Их она нашла в религии, в величии культурного наследия страны.

Дж. Неру понимал, что в такой поликонфессиональной стране, как Индия, для политической, социальной стабильности необходимо разработать сильную секуляристскую политику, создать светское государство, добиться установления консенсуса между различными религиозными общинами индуистов, мусульман, сикхов, парсов, христиан. Только светское государство, по его мнению, может наиболее плодотворно служить интересам общества.

В 1951 г. он говорил: «Я хочу, чтобы мы были светским государством в большей степени, чем в настоящее время... Я хочу также, чтобы мы приблизились к идеалу, который мы зафиксировали в нашей Конституции.» Вместе с тем, базируясь на демократических светских концепциях, Дж. Неру готов был пойти на некоторые компромиссы с идеей светского государства и не доводил ее до последовательного признания религии частным делом. «Светское государство, - говорил он в 1963 г., - не значит нерелигиозное государство, оно лишь означает, что мы уважаем и почитаем все религии, давая им свободу действовать»[4]. Его заслуги исключительно велики в создании светской демократической парламентской системы управления, которая успешно функционирует почти 50 лет, несмотря на все испытания.

Секуляризм и демократия представлялись ему синонимами, а мирные, конституционные, ненасильственные методы в достижении цели - идеалом. Именно Дж. Неру сыграл большую роль в разработке индийской концепции демократии, национальной светской политической культуры, что нашло свое отражение в Основном законе страны[5].

Политику секуляризма «великий кормчий» Индии непосредственно связывал с развитием экономики, поскольку в основе религиозно-национальных конфликтов, по его мнению, лежат социально-экономические предпосылки.

Дж. Неру исключительное значение придавал развитию производства, производительных сил, справедливо

[1] *Datta B.* Swami Vivekananda, patriot-prophet, Delhi. 1956, p.65.

[2] *Chaudhury D.S.* Growth of Nationalism in India. - New Delhi, 1973, p. 120.

[3] *Rai Satti M.* Partition of Panjab. - New York, 1965, p. 32.

[4] Nehru J. Jawaharlal Nehru's Speeches, vol. 2, - Delhi, 1967-1968, p. 187.

[5] Подробнее см.: Конституция Индии. - М., 1956.

полагая, что именно они, а не религия, являются решающим фактором в кардинальных изменениях жизни общества. До конца своей жизни он подчеркивал приоритет экономики, ее определяющее значение в ходе исторического развития, огромную роль научно-технического прогресса в эволюции общества. «С моей точки зрения, основным является экономический фактор. Если мы будем делать на этом упор и привлечем общественное мнение, мы сразу же обнаружим, что религиозные различия канут в прошлое... Экономическое единство сильнее даже национального. Работая среди крестьян, я обнаружил, что между ними бывает очень мало разногласий, когда они связаны экономически» [1].

Руководствуясь материалистическим подходом к истории, Дж. Неру уделял большое внимание созданию социально-экономической системы новой, свободной светской Индии. Будущее светского независимого государства, по его мнению, заключается в развитии прогресса, применении новейших достижений науки и техники в производстве, в покорении природы. Он был убежден, что без развития науки и техники невозможно решить острейшие проблемы человечества.

Вместе с тем, считал он, материальный прогресс должен сочетаться с духовными критериями, этическими ценностями цивилизации. Высоко оценивая роль экономического и духовного прогресса в строительстве светского государства, политик и великий мыслитель придавал большое значение учету цивилизационной специфики Индии. «Светские идеи, светский образ жизни основываются на высоком уровне образования, на либеральных взглядах на жизнь..., научном подходе к оценке всех явлений и событий..., религиозной терпимости в условиях роста фундаментализма всех мастей, под разными названиями», - считал он[2]. Дж. Неру придавал особое значение развитию национальных культур в стране в тесной взаимосвязи с мировым культурным процессом, образованию на базе новейших мировых достижений науки и техники, подготовке высококультурных, развитых, светски образованных национальных кадров.

Национализм он понимал как «коллективную память народа», сохраняющую традиции и исторический опыт индийской цивилизации[3]. Для Дж. Неру национализм был синонимом патриотизма и национального самосознания, мощным стимулом в созидательном процессе светской независимой Индии. Он пытался увязать национализм с интернационализмом и социализмом и тем самым «лишить его как национальной, так и социальной ограниченности»[4]. Национализм все еще представляет собой живую силу в любой части Азии. Движение, чтобы захватить народ, по мнению Дж. Неру, должно пользоваться терминологией национализма. В любой азиатской стране движение будет иметь успех или потерпит неудачу в той мере, в какой оно солидаризируется с глубоко сидящим национальным чувством. «Если вы идете против него, каковы бы ни были достоинства ваших мер и ваших преобразований, они не будут оценены», - говорил Дж. Неру[5].

Как государственный деятель, признавая силу и популярность национализма, Дж. Неру подчеркивал его многоликость, критиковал шовинизм, стремление замкнуться в узком кругу

[1] Selected works of Jawaharlal Nehru (SWJN), vol. 4, - New Delhi, 1972, p. 188.

[2] *Madan T.N.* Op.cit., p.245-247.

[3] См.: *Володина А., Шеститко П.* Пусть не обманет надежда. Жизнь и борьба Джавахарлала Неру. -М., 1990, с. 6.

[4] *Мартышин О.В.* Политические взгляды М.К. Ганди. Указ. изд., с. 119.

[5] Там же, с.122.

национальной истории, традиций, изолироваться от внешнего мира, культивировать консерватизм и чувство культурно-исторической исключительности. «Национализм, - говорил Дж. Неру, - представляет собой любопытное явление, которое на определенной стадии в истории страны пробуждает жизнь, содействует росту силы и единства, но в то же время национализм имеет и тенденцию ограничивать человека... В результате тот же национализм, который является для народа символом роста, становится символом прекращения этого роста».[1]

Через 11 лет после достижения страной независимости Дж. Неру в одной из бесед отметил, что величайшей проблемой за весь период нахождения его у власти в Индии было «создание справедливого, секуляристского государства в религиозном обществе»[2].

Таким образом, изучение взглядов Дж. Неру на религию, секуляризм как политику взаимоотношений государства с религией позволяет сделать следующие *выводы*.

Дж. Неру был не только величайшим политическим лидером страны, но и блестящим историком, философом, мыслителем своего времени, в основе деятельности которого лежала идея строительства новой Индии, сознательного разделения религии и политики в сложных условиях полиэтнизма и поликонфессионализма. Заслуга его заключается в том, что секуляристские концепции стали основой Конституции страны, базисом национального развития и государственной политики. Идеи и политика этого выдающегося государственного деятеля способствовали развитию и укреплению в широких демократических слоях индийского общества рационального, секуляристского отношения к традиционному наследию индийской цивилизации, духовному раскрепощению, освобождению разума многих людей от пут косности и обскурантизма. Вклад Дж. Неру в создание секуляристской государственности и политической культуры неоспорим, и это вынуждены признать даже его критики.

Идейно-политические взгляды Дж. Неру на секуляризм как политическую платформу, несомненно, обладают определенной целостностью, своеобразием, порожденными его стремлением к синтезированию и учету цивилизационной специфики индийского общества, своеобразия исторической эволюции, а также современной ситуации в стране. Но в области теории они были не всегда последовательны, а порой и противоречивы. Ученые мира, занимающиеся анализом теоретического наследия Дж. Неру, едины в мнении, что в его теоретической системе нет исходных принципов и она испытывала воздействие гандизма, фабианства, западной либеральной традиции и марксизма[3].

В оценке религии, ее роли в обществе Дж. Неру не был атеистом, и его характеристика как человека, веровавшего только в неограниченные возможности науки, и оптимиста в вопросах познания мира, каким он предстает в трудах ряда ученых, нам представляется несколько преувеличенной[4]. В этом плане наша оценка ближе к точке зрения О.В. Мартышина, который подчеркивает противоречивость его воззрений по исследуемой проблеме и также характеризует Дж. Неру как агностика[5].

[1] Там же.
[2] Madan T.N. Op. cit., p. 244.
[3] Подробнее см.: *Мартышин О.В.* Политические взгляды Джавахарлала Неру; В*олодин А., Шеститко П.* Пусть не обманет надежда. М., 1990; *Литман А.Д.* Мировоззрение Дж. Неру. М., 1973; Он же. Современная индийская философия. - М., 1985.
[4] См. подробнее: *Литман А.Д.* Мировоззрение Дж. Неру...
[5] См.: *Мартышин О.В.* Указ. соч., с. 78; *Володин А., Шеститко П.* Указ. соч.- М., 1990.

Т. Н. Мадан также считает, что «он был агностиком, опиравшимся на рационализм, с широким взглядом на мировую историю». Идейно-политические взгляды Дж. Неру на секуляризм были рациональными, современными, он испытал влияние социал-демократических, либеральных идей Запада, но учитывал, как уже сказано, цивилизационную специфику Индии. Это представление о творчески сбалансированных отношениях между светской политикой государства и религией - так называемый «индийский секуляризм», утверждающий религиозно-культурный плюрализм в стране, основанный на исторически сложившейся индийской традиции, религиозной терпимости, демократии и гуманизме. Секуляристские идеи Дж. Неру не имеют ничего общего с нейтрализмом между духовностью и материализмом или религией и агностицизмом.

Эти идеи, базируясь на религиозном плюрализме, стали своеобразным компромиссом в политической стратегии Дж. Неру: в учете им, с одной стороны, огромного влияния религии на жизнь индийского общества, с другой - необходимости сохранения и сочетания древнейшей индийской культуры и цивилизации, ее этических, духовных, национальных традиций, с потребностью научно-технической модернизации общества, прогресса в целом.

Великий политик и мыслитель, Дж. Неру по праву считается основателем современной индийской модели секуляризма, призванной обеспечить гармоничное развитие личности в условиях поликонфессионализма, сочетание индивидуализма и коллективизма в интересах интеграции страны. Его концепция секуляризма не подразумевает полного отделения религии от государства, которое выступает как покровитель всех конфессий и сохраняет право регулировать отдельные аспекты религиозной деятельности.

Влияние секуляристских идей Дж. Неру, многие из которых относятся к колониальному периоду, ощущается и сегодня в различных сферах - экономике, политике, культуре, идеологии страны. Сегодня ряд индийских политических лидеров и ученых настойчиво подчеркивают значение «курса Неру» для независимой страны и считают, что преодоление всех трудностей фундаментальной перестройки индийского общества возможно не путем отказа от секуляризма, а за счет совершенствования, придания ему нового облика в соответствии с требованиями нашего времени. Народ Индии, все прогрессивное человечество по сей день сохраняют добрую память о Джавахарлале Неру и глубокое уважение к его наследию.

«Я хочу, чтобы мы были светским государством»[1], говорил Дж. Неру. Его желания и стремления воплотились в жизнь.

[1] Nehruj. Jawaharlal Nehru's Speeches. Vol. 2. Delhi. 1967-1968. P.187.

Б.Б. Очилов,
старший преподаватель кафедры «Международные отношения» УМЭД

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Фундаментальные изменения в геополитической конструкции мира, обусловленные, главным образом, разломом биполярной системы, объективно повлекли за собой формирование «нового мирового порядка», актуализировав задачу его теоретико-концептуального осмысления. Характер научных дискуссий о постбиполярной трансформации мира подчеркивает многоаспектность явлений и процессов, охватывающих глубинные сферы международных отношений. Подходы к осмыслению и объяснению процессов современного мирового развития выражаются в наступлении т.н. «эпохи глобальной смуты», «конца либерализма», периода «столкновения цивилизаций», «конца истории» и пр.[1]

Тенденции к «фрагментарности», «международному беспорядку», возникновение и обострение проблемы «нового терроризма», активное использование некоторыми силами проблем демократии и прав человека в качестве инструмента внешнего воздействия и др. еще более осложняют положение дел в мировой политике.

Вместе с тем структурные изменения международной системы вызывают неизбежный период потрясений, поэтому события могут развиваться в совершенно противоположных направлениях[2]. При этом теоретическое осмысление происходящего не успевает за развитием реальных процессов[3]. По выражению Р.О.Кеохейна, «глобальность самих проблем превосходит любые теории»[4].

Традиционное измерение мировой системы через призму монополярности или многополярности уже не отвечает требованиям современных реалий, связанных с окончанием периода «евклидовой геометрии» в мировой политике[5]. Притом, что новые реальности не возникают на пустом месте и не отме-

[1] See: *Brzezinsky Z.* Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the XXI Century. – N.Y., 1993.; *Wallerstein I.* After Liberalism. – N.Y., 1995.; *Huntington S.* The Clash of Civilizations // J. Foreign Affairs. – 1993. №72(Summer); *Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. – London, 1992.

[2] См.: *Киссенджер Г.* Дипломатия. / Пер. с англ. – М.: Ладомир, 1997. – С.734.; *Лебедева М.* Мировая политика: проблемы и тенденции развития // Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия /Под ред. М.Лебедевой – М., 2000. – С.17.

[3] См., напр.: *Гоулдман К.* Международные отношения: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р.Гудина и Х.-Д.Клингеманна – М.: Вече, 1999. – С. 387-409; *Цыганков П.А.* Глобальные политические тенденции и социология международных отношений // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. Цыганкова П.А. – М.: Гардарика, 1998. – С.17-47. и др.

[4] *Кеохейн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня// Политическая наука: новые направления/ Под ред. Р.Година и Х.-Д.Клингеманна – М.: Вече, 1999. – С. 447.

[5] *Торкунов А.* Современные международные отношения. – М., 1997. – С. 5.

няют полностью прежних[1]. Возможно поэтому, восприятие геополитической картины формирующегося миропорядка неоднозначно. Сегодня возникают беспрецедентные в прошлом контуры будущей системы международных отношений.

Ядром современной мировой политики являются Запад (США, ЕС, Япония), Россия, Китай, а также исламский мир, который потенциально может стать мощным ресурсом сопротивления становлению нового миропорядка, если последний будут строиться без учета его интересов. По мнению В.Никонова, мировая политика переживает движение к глобальному Концерту, состав и формат которого будет определяться впоследствии. Этот Концерт, по его мнению, будет включать США, Европу, Россию, Японию, Индию, а также Китай[2].

Формирующаяся модель международных отношений характеризуется, прежде всего, активными действиями Вашингтона, который все более агрессивно демонстрирует стремление сохранить и застолбить собственное глобальное лидерство. Новая американская стратегия направлена на изменение прежних конструкций миропорядка, не отвечающих геополитическим интересам США, и установление управляемой Вашингтоном системы международных отношений.

В среде американского аналитического сообщества продолжает превалировать мнение о том, что «у США нет равных ни по одному критическому измерению силы»[3]. Поэтому, как полагают некоторые эксперты, «воля Соединенных Штатов к мировой гегемонии в наши дни сильнее, чем когда-либо»[4].

Современная американская идеологемма декларирует, что «триумфальное шествие» американских ценностей, «носящих универсальный характер», обусловливается международным балансом сил, который должен складываться «в пользу тех, кто верит в эти ценности»[5]. Такие оценки, выстроенные в соответствии с канонами реализма, предполагают попытки создания мирового порядка, моделируемого Вашингтоном. И, как показывает реальность, в настоящее время вся американская государственная машина мобилизована на решение данной задачи. Глобальная антитеррористическая кампания и комплексная активизация американской внешней политики направлены на блокирование и предупреждение существующих и потенциальных угроз национальной безопасности США. Для достижения этих целей в качестве наиболее серьезных проблем, стоящих перед Вашингтоном, определяют угрозы глобального терроризма и распространения оружия массового поражения.

С другой стороны, американская концепция «войны с терроризмом» получила неоднозначную оценку, прежде всего в самих США. Согласно мнению И.Валлерстайна, глобальная война с терроризмом для Вашингтона является лишь предлогом для того, чтобы диктовать свою волю другим странам[6]. Американское видение «войны с терроризмом», констатирует З.Бжезинский,

[1] *Abdullaev Sh.M.* Formation of a New International System and Central Asian Regional Security // International Relations. – 2003. – №3. – P. 47.

[2] *Никонов В.* Назад, к Концерту: на сей раз – глобальному // Ж. Россия в глобальной политике. – 2002. – №1 (ноябрь–декабрь).

[3] *Brooks S., Wohlforth W.* American Primacy in Perspective // J. Foreign Affairs. – 2002. – July-Aug. – P. 23.

[4] *Никонов В.* Назад, к Концерту: на сей раз – глобальному // Ж. Россия в глобальной политике. – 2002. –№1(ноябрь – декабрь).

[5] *Rice C.* Promoting National Interests //J. Foreign policy. – 2000. Jan./Feb. – P. 51-52.

[6] Интервью Чегляевой М., Белкина Н. «Коллапс американской экономики неизбежен» //Инт.: http://www.strana.ru – 2005. – 1 июля.

является «чрезмерно упрощенным и экстремистским для сверхдержавы». Современная американская администрация оказалась во власти «параноидального представления о мире», суть которого составляет принцип «или вы – с нами, или – с террористами»[1].

После окончания «активной фазы» глобальной антитеррористической кампании Вашингтон приступил к реализации своих геополитических проектов, сложившихся в течение всего постбиполярного периода и окончательно оформившихся в т.н. «доктрину Буша». Эта доктрина формально декларирует принцип «всемерного содействия расширению ареала демократии в мире». При этом, не имея возможности воздействовать на государства, не приемлющие американское главенство, Вашингтон прибегает к насилию[2]. По убеждению Р.Кагана, в настоящее время США вынуждены использовать военную силу в «анархическом мире, в котором нельзя полагаться на нормы международного права»[3].

Между тем, согласно мнению В.Максименко, современный контекст внешнеполитической стратегии США обусловлен опасениями относительно повторного явления на евроазиатском континенте новой сверхдержавной силы[4]. В этом смысле антизападный потенциал Китая, Ирана, Индии, а также российское намерение реабилитироваться в качестве великой державы находятся в постоянном внимании стратегического мышления в Вашингтоне.

Поэтому конечной целью и главной идеей, реализуемой на современном этапе глобальной американской стратегии, является принципиальное переформатирование обширного пространства «большой Евразии» и переакцентировка приоритетов макрорегиональной политики в свою пользу[5]. При этом главными стратегическими объектами американской геополитики являются Китай и Россия, вокруг которых сегодня предпринимаются попытки сформировать долговременную «зону нестабильности». Составной частью этой зоны, помимо Среднего и Ближнего Востока, «малой Европы» (в лице новых членов НАТО и ЕС), Кавказа и Прикаспия, является Центральная Азия.

В то же время в экспертных кругах усиливается мнение о том, что концепция глобального лидерства США все более исчерпывает себя. С одной стороны, агрессивное содержание современной американской стратегии встречает адекватные действия других мировых центров силы. С другой стороны, на фоне эффективного развертывания новых мировых рынков, функционирующих вопреки либо вне зависимости от американских интересов, «макроэкономическая производственно-потребительская и финансово-кредитная системы США испытывают закономерные трудности»[6]. В частности, существует вероятность крушения международной финансовой системы, опирающейся на «бумажный американский доллар» в качестве единственного мирового резервного актива[7].

[1] *Бжезинский З.* Мир утратил доверие к политике США //Инт.: http://www.globalaffairs.ru/articles/2347.html

[2] *Лунёв С., Широков Г.* Складывание новой мировой системы и Россия // Ж. Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – №4 (Осень). – С.34.

[3] См.: *Kagan R.* Power and Weakness // J. Policy Review. – 2002. – №113.

[4] *Максименко В.* Соблазн и иллюзии глобального управления // Ж. Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – №4 (Осень). – С. 47-48.

[5] *Майкова Г.* Центральноазиатский фокус «челночной дипломатии» Вашингтона // Инт.: Kreml.org – 2005. - 18 окт.

[6] Там же.

[7] *Максименко В.* Соблазн и иллюзии глобального управления // Ж. Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – №4 (Осень). – С. 47-48.

В большинстве современных исследований отмечается наступление поворотного периода в развитии экономики Китая и усиления его международных позиций. Внешнеполитическая стратегия Пекина направлена на обеспечение благоприятной международной среды для продвижения собственных национальных интересов, обеспечения и укрепления безопасности Китая, дальнейшего экономического прогресса. Как заявил Ху Цзинтао, Китай должен сосредоточиться на экономическом развитии в качестве центральной задачи, «сделать развитие своим приоритетом, добиться прогресса в экономике, политике и культуре построения гармоничного общества»[1].

Как отмечают эксперты, современная китайская геостратегия преследует одновременно две цели: 1) противостоять гегемонизму, политике силы и защищать мир; 2) создать новый справедливый «международный политический и экономический порядок»[2]. Согласно мнению З.Бжезинского, *первая* из вышеизложенных целей, направлена против интересов США и имеет своей целью уменьшить американское превосходство, тщательно избегая при этом прямого военного столкновения, которое положило бы конец продвижению Китая вперед к экономическому могуществу. Для противостояния американской стратегии сдерживания Китай стремится расширить свои политические связи с Россией, Пакистаном, Бирмой и Северной Кореей, а также с Ираном.

Особое внимание уделяется совершенствованию военной мощи. По западным оценкам, действительный масштаб военных расходов Китая как минимум втрое превосходит официально декларируемый уровень. В этой связи некоторые американские аналитики считают, что подъем Китая «не может быть просто мирным» и между США и Китаем начнется «интенсивное соперничество со значительной вероятностью развязывания войны»[3].

Тем не менее Пекин последовательно демонстрирует готовность к конструктивному диалогу в решении актуальных вопросов формирования нового мирового порядка, естественно, с учетом интересов Китая. В этих условиях США и КНР будут в большей степени вынуждены совместно действовать или приспосабливаться друг к другу при развитии своих отношений с целым рядом крупных стран[4].

Вторая стратегическая задача Пекина, согласно З.Бжезинскому, предполагает пересмотр расстановки сил в мире, используя недовольство некоторых наиболее развитых государств современной неофициальной иерархией, в которой наверху располагаются США, при поддержке Европы на крайнем западе Евразии и Японии на крайнем Востоке.

Как представляется, *третьей,* не менее важной внешнеполитической задачей Пекина в настоящее время является обеспечение растущих потребностей китайской экономики в энергоресурсах. В условиях усиливающегося соперничества в мировой нефтегазовой сфере Китай активизирует политику диверсификации поставок и источников углеводородного сырья. В результате, интенсивно продвигая собствен-

[1] Цит. по: Китай задался целью к 2020 году увеличить ВВП в 4 раза //Инт.: http://lenta.ru – 2005. – 17 май.

[2] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. – М., 2000. – С. 150.

[3] Опасный подъем Китая //Инт.: http://www.inopressa.ru/print/sueddeutsche/2005/03/30/17:20:25/kitay

[4] *Галенович Ю.М.* Америка и Китай // В кн.: Китай в мировой политике. – М., 2001. – С. 267.

ные проекты, направленные на решение данной задачи, Китай становится мощным конкурентом Запада в потреблении энергоресурсов.

Реалии современной геополитической обстановки в мире предопределяют формирование новых базовых принципов реализации внешнеполитической стратегии России. Современная российская политика характеризуется приматом прагматизма, выражающимся в выработке комплексной внешнеполитической стратегии для укрепления позиций России в мире. Внешняя политика России сегодня определяется «новым курсом», направленным на «недопущение распыления ограниченных, но еще сохраняющихся политических и экономических ресурсов и концентрировании их в интересах утверждения позиций России в формирующейся новой системе международных отношений».

Как отмечают эксперты, в основе этого «нового курса» России лежит признание ряда фундаментальных факторов.

Во-первых, Россия не может позволить себе внешней политики, отвлекающей руководство страны от задач национального возрождения. По убеждению Кремля, внешняя политика страны должна строиться не на базе какой бы то ни было идеологии, а на основе национальных интересов[1]. Принципиальная и неотложная задача России состоит в модернизации, которую невозможно провести только за счет мобилизации внутренних ресурсов. При этом Россия становится сильной державой, «опираясь на контроль над источниками энергии». По мнению экспертов, при условии разумной разработки и эксплуатации своих запасов нефти, газа и драгоценных металлов Россия могла бы стать «экономической сверхдержавой с неограниченными возможностями».

Во-вторых, современная Россия придерживается однозначного курса на отказ от статуса «сверхдержавности», т.к. новые тенденции в российской внешней политике носят долговременный характер и делают маловероятным возможность возврата к прежней советской конфронтационной парадигме.

В-третьих, на данном этапе Москва нацелена на жесткое отстаивание собственных жизненно важных интересов, одновременно стремясь избегать конфронтации с крупнейшими державами. Осуществляя курс на широкую интеграцию в мировое сообщество, Россия пытается достичь с Западом, прежде всего с США, определенного баланса интересов в регионах, представляющих интерес для РФ. Так, Москва определяет в качестве одной из стратегических целей признание российских интересов в СНГ. Реализацию этой задачи Россия рассматривает, прежде всего, в ускорении интеграционных процессов в рамках ОДКБ и ЕврАзЭС. «Дополнительным» ресурсом в диалоге с Западом Москва продолжает считать сохранение «особых» отношений с Пекином, Дели и Тегераном. Эти государства имеют стратегическую значимость в формировании среды безопасности и нового мирового порядка, в условиях, когда США стремятся максимально использовать собственные преимущества для упрочнения своих позиций в международной политике. Таким образом, Россия остается серьезным «действующим лицом» современной мировой политики[2].

Страны ЕС, прежде всего Германия и Франция, продвигая проекты интеграции в рамках Европы, стремятся утвердить за Евросоюзом статус еди-

[1] *Иванов И.* Внешняя политика России в эпоху глобализации // Статьи и выступления. - М. - 2002. – С.8.

[2] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. – М., 2000. – С. 59.

ного геополитического региона, равного по совокупной политической и экономической мощи США. Вместе с тем, несмотря на то, что ЕС уже не уступает США по экономическому потенциалу, Брюссель серьезно озадачен болезненными для себя проблемами выработки консолидированной стратегии развития и внешней политики, соответствующей интересам всех стран-членов. Динамика развития ЕС обнажает факт того, что среди европейских стран все более усиливается фрагментарность и раскол в подходах к региональным и мировым проблемам.

В целях стимулирования общеевропейской идентичности Германия и Франция стремятся демонстрировать внешнеполитическую солидарность европейских стран. В частности, Берлин и Париж совместно выступили против американской военной кампании в Ираке. В отношении ядерной программы Ирана они придерживаются единой позиции, заключающейся в необходимости переговорного процесса с Тегераном. При этом эти страны проявляют нежелание ассоциирования себя с «атлантическим выбором» и мириться с американским доминированием[1].

Фундаментальные изменения в глобальной геополитике находят отражение и во внешнеполитической стратегии Японии. Не обладая фундаментальными ресурсами для формирования в качестве отдельной супердержавы, Токио стремится утвердить за Японией статус крупной макрорегиональной державы. Сегодня Токио серьезно обеспокоен усилением военной мощи Китая, в частности, расширением китайской военной активности в Южно-Китайском море, а также его политикой в отношении Тайваня. Одновременно Япония стремится избегать перспектив втягивания в возможный конфликт с использованием военной силы в Восточной Азии между крупными геополитическими игроками[2]. В этих целях Токио, в частности, предпринимает меры по углублению климата доверия с РФ и КНР. Вместе с тем японская внешнеполитическая стратегия сохраняет ориентацию на позиции Вашингтона даже в тех случаях, когда действия США не отвечают фундаментальным интересам Японии.

В целом трансформация системы международных отношений характеризуется наличием ряда фундаментальных факторов, воздействующих на соотношение и баланс сил в мировой политике. На протяжении 90-х и в начале 2000 годов в мировой политике превалировала идея глобального доминирования США, однако в последнее время вследствие серьезных провалов в реализации американской внешнеполитической стратегии данная концепция подвергается серьезному сомнению. Среди существенных факторов, обусловливающих этот вывод, можно привести следующие:

1. Эксперты отмечают рост внутренних проблем в США (неспособность администрации Дж.Буша адекватно отреагировать на стихийные бедствия на юге США, рост антивоенных настроений, предкризисная ситуация в финансово-экономической сфере и т.д.). Серьезной проблемой являются участившиеся скандалы вокруг администрации Дж.Буша, приведшие к отставке ключевых фигур республиканского правительства на фоне предстоящих промежуточных выборов в США. Не исключено, что итогом выборов осенью 2006 г. может стать потеря республиканцами своего контроля в Конгрессе страны.

[1] *Лаумулин М.Т.* Интересы ЕС в Центральной Азии и Каспийском регионе //Инт.: http://www.analitika.org – 2005, 14 дек.

[2] Pentagon quietly shifting focus from Europe to Asia // N. The Washington Post. – 2000, 28 May.

2. Неопределенность исхода антитеррористической операции США в Афганистане. Неспособность ведомой США международной коалиции обеспечить безопасность на юге и востоке Афганистана вынуждает американских военных стратегов идти на увеличение присутствия НАТО в этой стране. Прогресс не наблюдается в усилиях по недопущению роста наркопроизводства в Афганистане. Наоборот, в последние годы наблюдается рост сельхозугодий, предназначенных для выращивания традиционных сельхозкультур, под производство опия-сырца.

3. Усиливается сопротивление американской оккупации в Ираке, наметились серьезные трудности продвижении процесса «демократизации». В целом, как отмечают наблюдатели, ближневосточная политика США претерпевает глубинный кризис. Продвижение Западом демократии на Ближнем Востоке привело к обратным для США результатам. Ярким примером этого является приход к власти анти-американски настроенных радикальных исламских сил, в частности, победа на демократических выборах, инициированных Западом, движения «Хамас» в Палестине.

4. Серьезные противоречия сохраняются в трансатлантических отношениях. Они проявились в целом ряде международно-политических событий, продемонстрировавших нежелание ведущих европейских стран следовать в фарватере американской политики. В частности, усилились разногласия по вопросам борьбы с угрозами терроризма и распространения оружия массового уничтожения. В Европе продолжаются дискуссии о решающей роли США в обеспечении военно-политической безопасности Европы, усилении политического компонента в структуре и деятельности Европейского Союза, расширении европейской идентичности в рамках НАТО.

5. Усиление роли региональных центров силы, прежде всего, Китая и России. Сохраняются устойчивые высокие темпы роста экономики КНР (более 9%), и такая динамика, скорее всего, сохранится в обозримом будущем. Как показывают данные, Китай в 2006 г. прочно закрепит за собой 4-е место в мире по уровню развития экономики, а в 2010 г. поднимется на 3-е место, оттеснив Германию[1]. Накопленные же золотовалютные резервы Китая в настоящее время уже составляют более $875 млрд[2].

Кроме того, Китай становится серьезным конкурентом Запада в потреблении энергоресурсов. В этом контексте выделяется активность КНР в освоении углеводородных ресурсов в Центральной Азии, а также в реализации проектов по транспортировке нефти из региона. Показательным примером в этой связи является пуск казахстанско-китайского магистрального нефтепровода Атасу-Алашанькоу.

Россия также усиливает свою роль в мировой энергетической политике. Россия добивается укрепления своих позиций в европейском энергетическом пространстве. Как считают специалисты, с реализацией проекта строительства североевропейского газопровода и с расширением доступа «Газпрома» к газораспределительным системам в странах ЕС Москва стремится усилить зависимость Европы от России. Такое развитие рассматривается рядом экспертов как будущий геополитический прорыв России в Европе. Россия также

[1] Согласно данным Агентства «Прайм-тасс» // – Инт.: http://mdm.prime-tass.ru – 2005. – 20 дек.

[2] Новый рекорд золотовалютных запасов Китая - $875 млрд. //Инт.: www.newsru.com – 2006. – 14 апр.

инициирует создание единого энергетического пространства в Евразии. Это подтверждают инициативы о газовом консорциуме, о создании энергетического клуба в рамках ШОС, договоренности о строительстве новых трубопроводов в Китай и, в перспективе, в Японию. Кроме того, прагматичная внешнеполитическая стратегия Москвы на постсоветском пространстве будет способствовать усилению влияния России в регионе Центральной Азии, в частности, через продвижение интеграционных схем, прежде всего ЕврАзЭС.

В целом, как представляется, реальный вызов глобальному доминированию США может исходить из геополитического альянса РФ-КНР. Москва и Пекин (с привлечением стран Центральной и Юго-Восточной Азии, ИРИ, Латинской Америки и др.) способны ослабить финансово-экономическое доминирование Запада в мирохозяйственной системе.

6. В последнее время наблюдается усиление противодействия Вашингтону в зонах традиционного американского влияния, в частности в Латинской Америке. Инициатива Президента Венесуэлы Уго Чавеса о создании независимой от США зоны свободной торговли в Южной Америке, приход к власти антиамериканских левых правительств в Боливии, Чили и Аргентине выступают в качестве новых факторов, фактически подрывающих доминировавшую на протяжении двух столетий американскую доктрину Монро. В обозначенном контексте также можно отметить процессы в Юго-Восточной Азии, в частности, создание зоны свободной торговли АСЕАН-КНР и, в перспективе, образование Восточно-Азиатского Сообщества без участия США.

Таким образом, динамика развития современных международных отношений указывает на продолжающееся формирование элементов нового мирового порядка. Данный процесс, несомненно, будет находиться в постоянном развитии. На него, с одной стороны, будут влиять результаты дальнейших наступательных действий США в ключевых регионах мира. С другой стороны, серьезное воздействие может оказать стремление альтернативных центров силы к сотрудничеству в деле противодействия реализации концепции глобального превосходства США. В частности, способность КНР, России, Ирана, Индии консолидировать имеющиеся ресурсы для создания зоны безопасности и сотрудничества на евразийском континенте может фундаментально изменить парадигмальные основы современной мировой политики.

Bobokulov I.
a Ph.D. in International Law

CENTRAL ASIA: IS THERE ALTERNATIVE TO REGIONAL INTEGRATION?

Introduction

The region of Central Asia is truly in search of its niche in the system of international relations. The precipitous implosion and collapse of the Soviet Union created a unique opportunity for the former Soviet republics of *Srednoy Azii i Kazakhstan,* to fashion out composite relationships with the outside world, predicated on their legitimate and long-term strategic interests. Consequently, these nations have become full-fledged members of international community and active participants of a number of international and regional organizations. However, the search for an effective mechanism to realize their common interests is a work-in-progress, and warrants mention in their national and regional agendas.

Stronger regional cooperation yielding to the multifaceted integration of the Central Asian states is the only viable avenue to achieving political stability, stimulating economic growth, and reinforcing the notions of democratic sovereignty. According to many experts, if no efforts are undertaken in this direction, in a matter of a few decades, the region will stumble and be relegated to being a marginal player, a vulnerable conduit to a strategically important part of the world. Hence, ***"Integration"*** is the sine qua non in the achievement of advantages and overcoming of existential obstacles.

The main question that we seek to answer is why regional integration is so important for Central Asian states? Is there any prospective alternative to it? Which are the factors that define the future of regional integration in Central Asia? We argue that regional integration is in fact, a complex political phenomenon that evolves and crystallizes over a protracted period of time and is not a task that of one year or even one particular decade. It should establish its validity to exist in the cruel reality of international system. Even the harshest critics of Central Asian integration emphasize, that much ***"more than just time is required to develop regional cooperation".***[1] Hence, regional integration is a long-term enterprise that has to ultimately dovetail the interests of regional countries, in order to be successful and meaningful.

Basic Integrators/Problems, or why Regional Integration is vital for Central Asia.

In the undergoing, we explore the main drivers, which emphasize the indispensability of regional integration, and provide a common ground for an intimate relationship throughout the constituents of Cen-

[1] Martin C. Spechler, **Regional Non-cooperation in Central Asia: a Pathology** (In: Economic Developments and Reforms in Cooperation Partner Countries: the interrelationship between regional economic cooperation, security and stability, Colloquium, 2-4 May 2001, Bucharest, Romania, NATO, 2001), p 272.

tral Asia. These factors can be divided into historical, cultural, economic, security-related, etc.

Firstly, the Central Asian people are bound by a common heritage: the unitary nature of their history and religion, traditions and customs, values and way of life. To put it succinctly, the facets of their civilization are identical.

Secondly, problems in the way of regional integration are also the potential integrators that can be part of the solution. These include boundary issues, amicable water management policies, the concert use of regional transport and communication networks, the joint nurturing of the environment, and so on. Regional countries are objectively interested in the effective regulation and formulation of policies for addressing these issues, which can be accomplished only through regional cooperation.

Thirdly, is the aspect of security challengers. In principle, all countries of Central Asia are confronted by similar threats to their security. The nefarious confluence of the scourge of religious extremism, trans-national terrorism, drug trafficking, etc, are common to all of them. These are non-traditional or unconventional threats. The trans-border character of these threats encourages the countries in the region, to undertake synergetic efforts to combat these menaces. The national security and internal stability of regional countries are interdependent and interconnected. Idea of complex security must be a priority on the agenda for policymakers in every country of the region.

Fourthly, a potentially important integrator is the synergic cooperation of Central Asian nations in reviving and resuscitating Afghanistan's economy and ensuring its long-term stability. This entails the consummation of many regional projects – from the development to an elaborate and advanced transport and communications network, to the joint prosecution of the campaign against illicit trafficking, global terrorism, and amicable water management. Hence, ensuring the direct involvement of Afghanistan in the ongoing regional processes, is vital to the positive outcome of regional integration and cooperation within Central Asia.

Fifthly, Central Asia is rich in natural resources. This implies that the countries in the region need not totally rely on outside imports of raw materials for their economic well -being.[1] In terms of education Central Asian is one of the better-disposed regions in the world.[2] The region is home to a fair number of high-skilled and low cost work forces, who, in due course, will be the fountainhead for increased visibility and resonance of the region.

Sixthly, the Newly Independent States of Central Asia, have not yet become strong stakeholders in the international arena. This is an obvious reality. Therefore, it should be emphasized that integration provides the countries of the region "a better bargaining position with outsiders".[3] It goes with the territory that an effective integration movement, is the strongest response to the geo-political and geo-strategic challenges in Central Asia.

Seventhly, a major redeeming factor has been that the nations of the region

[1] Analyzing Central Asia's natural and human resources Frederick Starr emphasized that "they would be the envy of any developing region on earth. Under normal circumstances, they would easily combine in a kind of chemical reaction to create wealth. But in this region at the heart of the Eurasian land mass, circumstances are far from normal". Frederick S. Starr, "A New Phase of Regional Cooperation in Central Asia", **Foreign Policy Magazine**, supplement, autumn, 2004.

[2] According to Asian Development Bank estimations, average literacy rate of people ages 15 and above in Central Asia is 99.3%. **Central Asia Regional Economic Cooperation Member Countries: Regional Cooperation Strategy and Program** (2005-2007), ADB, July 2004, p 56.

[3] Spechler, op. cit., p 267.

have not been steeped in any kind of historical rivalry or bloody ethnic wars. There are no historical territorial claims or lingering issues that can seriously impact the march towards regional integration.

Eighthly, regional integration is a facilitator for foreign investment. Economists and investors argue in unison that "the economies of the Central Asian states, taken separately, are too small and limited, to gravitate the interest of foreign investors; only by uniting to create a larger economic space, would they be able to engender an abiding attraction in the investor-fraternity and usher in much-needed investment".[1]

Perspectives of Central Asian integration

The core issues of regional political processes determine the perspectives of regional cooperation in Central Asia. These include an effective management of regional water resources, the improvement of alternative transportation networks, the creation of a regional security system, the legal regulation of boundary issues, and so on. Below we will try to analyze one of them: development of alternative transport routes in Central Asia.

Development of alternative transport routes – a priority of regional integration.

Central Asia is considered to be at the heart of Eurasia, serving as a conduit, between the East and the West as well as the North and the South; it's a gateway to Europe for China and South Asia, and it is pivotal in the relationships between Russia and the Southern Asian countries. The region is the repository to the third largest oil and gas deposits in the world, after the Persian Gulf and West Siberia, and the world's second largest producer of cotton. In this sense, the region is a "virgin area" for investment. The region is served by an extensive national rail and road system,[2] but it has no direct access to the sea or to the world's transport network. Along with other issues and obstacles, this is one of the most significant impeding reasons, why the level of region's GDP is insufficient to its "weight".[3]

Central Asia is land-locked region and Uzbekistan, the region's most/densely populated country, is one of the only two double land-locked countries in the world.[4] The region is located at a great distance from any of the major markets, and

[1] Shirin Akiner, **Regional integration in Central Asia** (In: Economic Developments and Reforms in Cooperation Partner Countries: the interrelationship between regional economic cooperation, security and stability, Colloquium, 2-4 May 2001, Bucharest, Romania, NATO, 2001), pp 199-200. One of the principles on which donors and countries agreed during the London conference on the seven low-income CIS countries (Armenia, Azerbaijan, Georgia, The Kyrgyz Republic, Moldova, Tajikistan, and Uzbekistan) is that "the CIS-7 are to cooperate with each other in their respective subregions". Johannes Linn, **Transition Years: Reflections on Economic Reform and Social Change in Europe and Central Asia** (New York: The World Bank, 2004), p 52.

[2] For example, the extent of road networks of two countries Kazakhstan and Uzbekistan is respectively, 87, 000 and 78, 000. The extent of rail networks – 13, 841 and 3, 460. See Regional Economic Cooperation in Central Asia, Asian Development Bank, July 1998, p 87, 97.

[3] For example, in 2001 the Central Asian countries' GDP was estimated at 41.6 billion (Economist Intelligence Unit est.) Quoted by Ludia M. Buyers, (ed.), Central Asia in focus: Political and Economic Issues (New York: Nova Science Publishers, Inc., 2003), p 229; In 2002, region's GDP was $45 billion. Central Asia Regional Economic Cooperation Member Countries: Regional Cooperation Strategy and Program (2005-2007), ADB, July 2004, p 10.

[4] Liechtenstein is another country in Europe with the same status, but Uzbekistan is the single country in the world, which is as distant from the nearest seaport as 3 thousand km away. See S. Safaev, **The Black Sea Region and Caspian Sea Basin – the European Rim of Asia: Regional and Global Challengers. An Arc of Crisis?** (Presentation delivered in Club of Rome, Annual Conference Ankara, Bilkent University, October 2002), http://www.clubofrome.org/docs/confs/safaev.pdf.

seaports, like the USA, which is approximately 12,000 km away; Europe – 6,000 km; and South East Asia, the nearest sea communicational system, which is 2,000 km. The geographical remoteness from the main seaports is a serious disadvantage to the region's fully-fledged participation in globalization. According to informed estimates coming from the region, the transportation expenses, on imported goods exceed their original prices by up to a whopping 60%. This makes the export of some goods economically unviable and import of the vital goods cumbersomely exorbitant. Therefore the development of alternative regional transport networks is considered a cornerstone of the national and regional strategies in Central Asia.

The Newly Independent States of Central Asia share a common post-Soviet system of transport communications, including roads (rail and auto), oil and gas pipelines. Through the break-up of the Soviet empire the successors inherited a well-developed, but lop-sided infrastructural framework.

Central Asia is at the crossroads. In order to benefit from its strategic location, and to reinforce sovereignty, economically and politically, the countries in the region are to develop the existing system of transport communications.

An example of the Central Asian countries' joint efforts is the construction of a 302 km Tedjen-Serahs-Meshed rail link between Turkmenistan and Iran, commissioned in May 1996 which truncates travel times between Central Asia and Europe by four hours (from (Trans-Siberian) 14 000 km to 9 500 km).

Besides, a trilateral project Uzbekistan-Kyrgystan-China (about 1000 km in length) is being developed to link the auto and rail roads through Andijan (Uzbekistan)-Osh (Kyrgyzstan) to Kashgar (China).

Positive changes in Afghanistan grant new opportunities for regional cooperation in this field. Needless to say, that improving and connecting Afghanistan's roads with the Central Asian transport system would be a significant contribution of regional countries and the international community towards the process of economic recovery and political stability in this country.

Logical realization of this goal is predicated on an agreement "On creation of International Trans-Afghan corridor" signed by Uzbekistan, Iran and Afghanistan in June 2003. The agreement comprises the construction of a 2,400 km road (possibly railway network in the future) through Termez-Mazar-e Sharif-Heart to Iranian seaports Bandar-e Abbas and Chorbakhor. This route will allow the countires within the region to conveniently reach the Persian Gulf, and increase the level of intercourse of Central Asia, Russia (the West Siberia), and China (Xinjiang) with the Middle East, Europe, and Southwest Asia. It is important to note that at present about 50% of Uzbek cotton is exported via the Persian Gulf.

The transport corridor Uzbekistan-Afghanistan-Pakistan is rather important not only for Uzbekistan, but also for other Central Asian countries. This would allow Turkmenistan, Uzbekistan and Tajikistan to trade through the Arabian Sea on the doors of South, Southwest Asia and the Middle East, with distances reduced by approximately 1200-1400 km.[1]

Another prospective transport project is the Murghab-Kulma road, which will connect Tajikistan with the Karakorum highway in China and Pakistan, and allow the country, and region to have an alternative transport corridor, connecting them with China, Pakistan, and India. The strategic importance of this road is that, analogous with the Afghan direction, it will allow the Central Asian nations, direct access to the

[1] Aftab Kazi, **Transit-route politics and Central Asia's Indus Basin Corridor,** July 4, 2001, //http://www.cacianalyst.org.

Pakistani ports of Karachi and Gawadar, which are ever closer in distance than the Baltic and the Persian Gulf ports. But the most important fact is that the opening of these corridors would decline the one-sided monopoly, and trigger positive changes in geo-strategic and geo-economic situation in Central Asia.

The lack of an effective transport network with the outside world is one of the fundamental barriers for regional cooperation and integration of Central Asia into the world economy. A well-developed regional transport system is the at the centre of the region's potential prosperity, affording a unique opportunity to develop international transport networks and trade relations for countries stretching from Europe to Asia.

Perspectives of boundary regulation.

The factor of boundaries is an essential element of bilateral and multilateral relations in Central Asia.

The boundaries are one of the major attributes of state that define the limits of sovereign authority and territorial integrity. From this point of view one can argue that the stability of boundaries and security of state are interconnected. At the end of the 90's the necessity of improving of border management gained a major importance because of the growth of transborder threats to the security and stability of the Central Asian nations.[1] The improvement of border management implies first and foremost the legal determination of a borderline and its status.

The significance of agreements on delimitation and demarcation are also determined by the fact that these documents constitutes the basis for the passing of corresponding legal acts at national level. In other words, it forms a legal ground for the activity of those competent national structures and determines the further development of national legislation in this sphere.

The Commonwealth of Independent States (CIS) has played a positive initial role in the maintenance of stability of the post-Soviet administrative borders, recognizing the importance of *status quo* with respect to existing administrative borders. The Central Asian countries have reinforced the mutual respect between them in respect of the existing state borders, through a array of agreements - the Agreement between Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan on January 10, 1997, and the Agreement between Kazakhstan and Uzbekistan on October 31, 1998.[2]

One of the fundamental principles of international law – *the principle of inviolability of frontiers,* is enshrined in the provisions the above documents, and is a stabilizing factor in relations with regard to frontiers, preventing further territorial disputes between the states of the post-Soviet space.[3] The basic provisions of this principle can be reduced to three elements: 1) a recognition of existing borders as legal establishment according to international law; 2) refusal of any territorial claims at present or in the future; 3) refusal of any

[1] This fact also emphasized by some international agencies. For example, according to the EU's Border Management Programmee in Central Asian, "Creation and development their own border management capacities are particularly important in this region due to the rise in cross-border crime and moreover drug trafficking, arms trafficking, trafficking in human beings, security issues, terrorism, which require a strengthening of international assistance and cooperation". **Border Management Central Asian Programme** /www.cagateway.org/downloads/BOMCA%20DESCRIPTION.

[2] Necati Polat, **Boundary issues in Central Asia** (New York: Transnational Publishers, Inc., 2002), p 48.

[3] It is necessary to note, that this rule for the first time has been fixed in the Final Act of CSCE in 1975. It is one of the major bases for the European and international security.

other encroachments on these borders, including threat of force or its use.

The first agreement on delimitation of state border in Central Asia was signed on September 22, 2000 between Uzbekistan and Turkmenistan over a 1,800 km long common border, during the official visit of the President of Uzbekistan I.Karimov to Turkmenistan. The agreement provides for the setting-up of a joint Demarcation Commission to mutually delineate the terrain as agreed to by the parties in the attached documents and maps.[1]

The delimitation of a 2440 km long Uzbek-Kazakh state border was completed in the fall of 2002. The Joint Working Group, established in 2000, worked vigorously for two years. The upshot of that, was the signing of two documents on delimitation by the Heads of States.[2]

These agreements solved one of the controvertible and contentious points between the two countries and put an end to the speculation over lingering border problems. This achievement between the two major countries of the region is a significant political event, which could substantively improve the political climate in Central Asia and demonstrate the capability of regional countries to manage and ameliorate major regional issues through mutual efforts.

Currently, the delimitation process between Uzbekistan-Kyrgyzstan, Uzbekistan-Tajikistan and Kyrgyzstan-Tajikistan is under way. The complexity of these relations could be explained by the factor of the Ferghana Valley. Being the largest and most densely populated oasis in Central Asia, Ferghana Valley is a very poignant example of the reality facing Central Asia: the vexing implications of artificial drawn borders in a region with a highly diverse cultural, ethnic, and linguistic community.

Consequently, these objective factors need gradual steps and measures in the legal regulation of boundaries. It is crucial to remember that the so-called process of delimitation and demarcation is an integral part of the wide spectrum of issues. Therefore border regulation in the region should be considered in the context of these mutually inter-connected issues. A diligent and compromising attitude to their solution, is a precondition for success and improvement of inter-state relations, especially at the local level. In the achievement of these goals, the active involvement of local administrations in the policy making process is crucial. That is the only way. There are good examples of cooperation between the heads of frontier provinces of the three republics.

The creation of legal base of contemporary frontiers in Central Asia is under way. Complex and interconnected character of boundaries with other spheres of bilateral relationships especially, with trans border issues: border crossing, trans-border trade, ethnic relationships, the factor of intermarriage, etc., requires careful consideration and a balanced attitude.

Conclusion

The underlying logic of regional integration in Central Asia is the desire for economic growth, political stability, and conflict prevention. Regional integration can provide effective tools for initiating and sustaining mutual understanding and dialogue among the states and creating a win-win position for all involved entities. It is an effective way to create a contemporary regional security system, coping with the requirements of the Central Asia countries in new circumstances. In one word it is “a

[1] Polat, op. cit., p 55.

[2] “About three frontier localities of Kazakh-Uzbek border” (Kazakhstan parliament’s Defense and security committee chairman Sh.Omarov’s briefing), htpp: // www.parlam.kz.

regional machinery for solving common problems".[1]

But there are a number of obstacles. First is the weak tradition of bilateral and multilateral diplomacy of regional countries. During the Soviet period, the Central Asian republics did not have direct communication with the outside world. They also lacked effective governmental institutions to engage in cooperative projects. Second, the varying economic interests of these countries have led them to pursue protectionist policies that had grave consequences for regional trade and exchange. Thirdly, the Central Asian states are still in the process of defining their national interests and giving them structural and substantial form. Fourthly, the Central Asian nations reached the current level of regional integration through the ravaging civil war in Tajikistan, and amid the regional conflict in Afghanistan, searching a necessary model for combating unconventional threats.

The core issues of regional political processes determine the perspectives of regional cooperation in Central Asia. These dimensions of regional relationships require joint efforts, and patience without which they will be ineffective and inadequate. It is important to emphasize that they serve as a common ground for regional efforts.

Harmonization and unification of national laws are crucial aspects of the inter-regional relationship.

Integration is a natural phenomenon that has its own inevitability, based on the geographical proximity, and in many instances, contiguity. Additionally, the proclivities of contemporary international relations and globalization and their possible consequences to the region make integration an inevitable part of region's reality. There is no alternative to intra-regional integration in Central Asia. It is the common destiny of the Newly Independent States of Central Asia.

[1] Ernst B.Haas, **The Obsolescence of Regional Integration Theory** (Berkeley: Institute of International Studies University of California, 1975), p 7.

И.Р.Мавлонов,
заведующий кафедрой практическая дипломатия УМЭД, кандидат экономических наук

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ В ПРИВЛЕЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов, оценивая ход экономических преобразований, подчеркивал, что « … проведение целенаправленной политики по дальнейшей либерализации внешнеэкономической деятельности, созданию льготных условий для привлечения иностранных инвестиций, гарантии зарубежным инвесторам получения ими реальной прибыли»[1] является приоритетной задачей страны. Особое внимание Президент Узбекистана обращал на необходимость изучения международного опыта, отмечая, что «… нашей принципиальной позицией является – не отвергать всего полезного, почерпнутого из мирового опыта …»[2]. Заостряя на этом внимание, Президент И.А.Каримов отмечает, что «Узбекистан придает исключительно важное значение развитию и укреплению отношений сотрудничества с крупнейшими державами - странами, играющими ведущую роль на мировой арене»[3] и «Мы поддерживаем тесные отношения с … Индией и многими странами Южной и Юго-Восточной Азии …».

Учитывая эти положения, мы провели анализ основных моментов опыта Индии в реализации политики иностранного инвестирования, необходимой для развития экономической дипломатии.

***

После обретения независимости Индия начала последовательно проводить экономические реформы, при этом, уделяя внимание привлечению иностранного капитала во все отрасли экономики. Следуя принятой промышленной политике[4], правительство Индии проводило ее модификацию в 1956, 1973, 1976, 1980 гг., придавая особое значение созданию благоприятного инвестиционного климата в стране. Сменявшие друг друга правительства продолжали последовательно расширять и

[1] Каримов И. О приоритетах экономической политики Узбекистана. Речь на XIII сессии Верховного Совета Республики Узбекистан 2 сентября 1993 г. Пресс-служба Президента Республики Узбекистан. http:///2004.press-service.uz/rus/knigi/9tom/2tom_1_2.htm

[2] Каримов И. Узбекистан – собственная модель перехода на рыночные отношения. Раздел II. Условия, определяющие свой путь обновления и прогресса. Август, 1993 г. Пресс-служба Президента Республики Узбекистан. http://2004.press-service.uz/rus/knigi/9tom/1tom_12_2.htm

[3] Каримов И. Наша главная цель – демократизация и обновление общества, реформирование и модернизация страны. – Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса. 28 января 2005 г. Пресс-служба Президента Республики Узбекистан. http://2004.press-service.uz/rus/rechi/r01282005.htm

[4] The Industries Development and Regulation (IDR) Act, New Delhi, 1951. http://www.exim.indiamart.com/ssi-regulations/idr-act.html

углублять этот процесс, сосредоточив основное внимание на следующих вопросах: постоянное сохранение преемственности политики инвестирования; выработка приоритетов и основных направлений политики инвестирования; разработка законодательной, нормативно-правовой базы и институализация реализации политики инвестирования. В данной статье раскрываются основные моменты двух первых вопросов.

1. Преемственность реформ в реализации политики инвестирования

Программа новых экономических реформ, начатая в Индии в 1991 г. принятием Новой промышленной политики[1], позволила добиться больших успехов и создать благоприятный климат для иностранного инвестирования. Мероприятия, проводимые правительством, с каждым разом упрощали политику инвестирования. Так, в середине 2000 г. была проведена очередная либерализация условий для осуществления иностранных капиталовложений[2], которая в последующем ежегодно совершенствовалась. Эта мера коснулась прежде всего многонациональных компаний в 22 отраслях[3], в частности, в автомобилестроении, производстве бытовой электроники, пищевой, кожевенной и табачной промышленности. Разрешив многонациональным компаниям свободно репатриировать свои дивиденды, правительство надеялось привлечь в эти отрасли иностранный капитал. До этого названным компаниям было разрешено это делать лишь тогда, когда они могли доказать, что получают валюту от экспортных операций.

В большинстве отраслей уже не требовалось никаких разрешений, после регистрации в Резервном банке Индии (Reserve Bank of India - RBI) инвестиции могут поступать в страну «автоматически». Однако для осуществления капиталовложений в некоторые сектора экономики разрешение было по-прежнему необходимо. К ним относились: гражданская авиация, разведка и переработка нефти, жилищное строительство, атомная энергетика и связанные с ней отрасли, производство вооружений, сельское хозяйство, периодическая печать, телевидение и почтовая служба.

2. Приоритеты нового правительства в политике инвестирования

Правительство Объединенного Прогрессивного Альянса Индии, пришедшее к власти в 2004 г., в своей Общей программе[4] также определило перспективные и стратегические цели экономических реформ, включая направления привлечения инвестиций. Об этом заявила в интервью и Соня Ганди, лидер ОПА, подчеркнув, что «политика экономических реформ будет иметь приоритетное значение»[5]. Реализуя экономическую инвестиционную политику ОПА, Премьер-министр Индии Манмохан Синг в одном из интервью отметил, что «мы нуждаемся в инвестициях приблизительно в 150 млрд долларов в ближайшие семь - восемь лет для реализации наших амбициозных планов и обеспечения в стране такой инфраструктуры, которая отвечала бы экономическим и социальным вызовам, перед которыми мы встаем»[6].

[1] Statement on Industrial Policy. Government of India, Ministry of Industry, New Delhi, July 24, 1991.

[2] Manual on Foreign Direct Investment in India - Policy and Procedures, May 2003, SIA (Secretariat for Industrial Assistance), Department of Industrial Policy and Promotion, Ministry of Commerce and Industry, Government of India, New Delhi

[3] Destination India. Issue № 2, 2004, SIA (Secretariat for Industrial Assistance), Department of Industrial Policy and Promotion, Ministry of Commerce and Industry, Government of India, New Delhi. http://www.dipp.nic.in/inv_opp_nw/inv_opp_sector.pdf

[4] National Common Minimum Programme of the Government of India, New-Delhi, May 2004

[5] "The policy of Continuing with Economic Reforms", The Indian Express, May 16, 2004, p 6.

[6] India's economic agenda: PM's McKinsey Quarterly interview. The McKinsey Quarterly, 2005 Special Edition: Fulfilling India's promise, New-Delhi, 2005. http://www.indianembassy.org/press_release/2005/August/5.htm

Важной чертой политики правительства Индии по привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) является преемственность[1]. Базируясь на общей программе правительства ОПА, было разработано новое руководство по привлечению ПИИ[2], согласно которому иностранное инвестирование в Индии разрешено практически в каждый сектор, кроме тех, которые имеют стратегическое значение, такие как оборонный (в последнее время ставший доступным в ограниченном объеме) и железнодорожный транспорт. Иностранным компаниям разрешается 100%-е субсидирование в индийскую экономику. При этом необязательно предварительное одобрение уполномоченных по валютным операциям, кроме определенных специфических видов деятельности.

Важное значение при проведении политики иностранного инвестирования придается распространению информации об инвестиционном климате в Индии и организация симпозиумов, семинаров по поощрению инвестиций[3], содействие в получении необходимых разрешений, улаживание возникающих проблем с привлечением различных правительственных учреждений[4], чему постоянно содействует и МИД Индии[5].

Инвестиционная политика стала намного проще, либеральнее и носит более открытый характер, активно поддерживаются частные инвестиции, в том числе иностранные. Особое внимание уделяется инфраструктурному сектору[6], где предпринимаются меры, стимулирующие инвестирование. В реализации инвестиционной политики большая роль отводится индийской дипломатии как на внешнем, так и на внутреннем рынке.

В вопросах инвестирования большое внимание уделяется **проведению промышленной политики.** Для привлечения инвестиций устранены требования лицензий, за исключением определенных избранных секторов. Задачи, связанные с получением разрешений на ПИИ, решаются в течение месяца. Многие области промышленности, ранее принадлежащие государственному сектору, теперь большей частью открыты для участия инвестиций из-за рубежа.

В вопросах привлечения инвестиций важное значение придается **промышленному лицензированию.** Все промышленные предприятия освобождены от получения промышленной лицензии на производство, за исключением следующих: в отраслях, относящихся к государственному сектору; в отраслях, в которых необходимо обязательное лицензирование; продукция промышленности, относящаяся к мелкосерийному производству; любые предложения, требующие ограничения местоположения.

Промышленным предприятиям, освобожденным от получения промышленной лицензии, необходимо регистрироваться в Списке промышленных предпринимателей (IEM – Industrial Entrepreneur Memoranda)[7] в Секретариате промыш-

[1] Investing in India, Secretariat for Industrial Assistance (SIA), Department of Industrial Policy & Promotion, Ministry of Commerce and Industry of India, 2005, http://siadipp.nic.in

[2] Investing in India. Foreign Direct Investment Policy & Procedures, Department of Industrial Policy and Promotion, Ministry of Commerce & Industry, Government of India, New Delhi, November 2005

[3] "Investment Opportunities in Infrastructure", Roads, Investment Promotion and Infrastructure Development Cell, Secretariat for Industrial Assistance, Department of Industrial Policy and Promotion, Ministry of Commerce & Industry, Government of India. New Delhi. 2005

[4] Implementation of Right to Information Act 2005, Department of Industrial Policy and Promotion, Ministry of Commerce and Industry of India, http://www.dipp.nic.in/rti/rti_index.htm

[5] Investment and Tehnology Promotion (ITP) Devision, Ministry of External Affairs, Government of India. http://meaindia.nic.in/

[6] Investment Opportunities in infrastructure sectors. Investing in India, Foreign Direct Investment-Policy & Procedures, Department of Industrial Policy & Promotion, Ministry of Commerce & Industry, Government of India, New Delhi, March, 2005.

[7] Industrial Entrepreneur Memoranda, India Watch Reports. http://www.indianinvest.com/iem.htm

ленного содействия (SIA - Secretariat of Industrial Assistance) Департамента промышленной политики министерства торговли и промышленности.

3. Основные направления политики иностранного инвестирования

Статус автоматического одобрения. Следует отметить, что иностранные инвестиции в Индии регулируются не только политикой правительства по ПИИ, но и Постановлением о контроле иностранной валюты (FEMA)[1]. С возрастанием либерализации индийской экономики, как правило, не возникает необходимости получать одобрение правительства Индии с тем, чтобы в экономику страны вливались новые ПИИ; необходимо только подать заявку в Резервный банк Индии. Однако в отдельных случаях и в случаях инвестирования в некоторые особые секторы требуется предварительное одобрение. Сверх того, инвестирование в отдельные особые секторы экономики зависит от собственного капитала иностранных инвесторов.

Резервный банк Индии предоставляет автоматическое разрешение в случае, который называется ***«автоматическое одобрение»,*** когда процент прямых иностранных инвестиций не превышает определенной нормы. Эта норма составляет 74% в нескольких областях в 9 промышленных группах[2]: добыча полезных ископаемых; цветные металлы и сплавы; производство медицинского и лабораторного оборудования и фотография; производство и передача электроэнергии; нетрадиционные виды производства и распределения электроэнергии; строительство; трубопроводы, исключая трубопроводы для сырой нефти, нефтепродуктов и природного газа; водный транспорт; хранение и складирование.

Для других производств эта норма составляет 51%. Сюда относятся металлургические, бойлерные и парогенераторные заводы, генераторы, электрооборудование, транспорт, промышленное оборудование, производство сельскохозяйственной техники, печатных станков, пищевых продуктов, хлопка, текстиля, производство шерсти и шелка, основных химических продуктов, производство металлических изделий и деталей, за исключением машиностроения и оборудования, здравоохранение и медицинские услуги, наземный и водный транспорт. Для таких производств, как добыча железной руды и других полезных ископаемых, за исключением группы урана, норма составляет 50%.

Новые предприятия. Инвестиции всех предприятий с ПИИ /индийцев-нерезидентов (NRI – Non–Resident Indians)/ и представительств за границей (OCB – Overseas Corporate Bodies) до 100% получают автоматическое одобрение[3], кроме тех, которые требуют отдельного одобрения правительства. Инвестор может сам выбрать - подавать ли ему заявку в *Комитет по привлечению иностранных инвестиций (FIPB – Foreign Investment Promotion Board)* или использовать путь автоматического одобрения. Подробности о возможностях, предоставляемых NRI, можно посмотреть на сайте Резервного банка[4].

Инвестиции в объединения и предприятия государственного сектора, а также в объединения, принадлежащие экспортоориентированным предприятиям (EOU – Export Oriented Units) или находящиеся в экспортно-производственных зонах (EPZ – Export Processing Zones), специальных экономических зо-

[1] Foreign Exchange Management Act (FEMA), 1999, India

[2] http://www.nic.in/indmin/annex3.htm

[3] Guide to NRI - Investment, Taxation & FEMA, K.K.Ramani, N.C.Jain & Sunil Ramani, 4th edition, New Delhi, 2003

[4] http://www.reservebank.com/

нах (SEZ – Special Economic Zones), парках электротехнологического оборудования (EHTP – Electronic Hardware Technology Parks) или парках по производству ПО (STP – Software Technology Parks) также имеют статус автоматического одобрения. Инвестиции, получившие автоматическое одобрение, управляются в рамках политики сектора и собственными средствами, и RBI гарантирует им «зеленый свет». Любые изменения в политике секторов и собственных средств регистрируются в SIA Департамента промышленной политики.

Существующие компании. Кроме новых компаний, автоматическое одобрение для инвестирования ПИИ, NRI и OCB также получают существующие компании с целью привлечения ими собственных средств. Для таких компаний дополнительные требования включают: увеличение доли акций, что должно привести к расширению акционерной базы компании без поглощения ее доли NRI, OCB и иностранными инвесторами; переводимые деньги автоматически остаются в том же секторе(ах). Во всех остальных случаях предложение требует одобрения правительства через FIPB. Для этого предложение должно быть одобрено резолюцией Совета самой индийской компании.

Существующим компаниям, не имеющим программы расширения, предъявляются следующие требования для автоматического одобрения: если они вовлечены в производство, для которого возможно автоматическое одобрение (включая побочную деятельность, где оно допустимо вне зависимости от того, была ли основная деятельность одобрена правительством или автоматически); если увеличение капитала должно происходить вследствие расширения акционерной базы; если иностранное участие будет в иностранной валюте.

Участие международных финансовых институтов в местных компаниях разрешается автоматически в соответствии с правилами Индийского совета по валютной безопасности (SEBI – Securities Exchange Board of India)[1], RBI и специальными правилами для секторов для FDI[2]. Индийские компании должны уведомить RBI о получении поступлений в течение 30 дней с момента получения и предоставить в эти же сроки документацию об иностранном инвестировании. Это также касается инвестиций NRI/OCB.

Одобрение правительства. Одобрение правительства для инвестирования ПИИ, NRI и OCB через FIPB необходимо также для следующих категорий: проекты, требующие промышленной лицензии; проекты, в которых иностранный участник ранее имел бизнес в Индии в той же и похожей сфере. Однако это условие не относится: к области ИТ–индустрии; к инициативам, имеющим отношение к участию в уже существующей индийской компании; к инициативам вне рамок определенных секторов или в рамках секторов, для которых участие ПИИ не разрешено и/или если инвестор не претендует на автоматическое одобрение, а обращается к FIPB.

Индийские компании, получающие одобрение на иностранные инвестиции через FIPB, не требуют дальнейших разъяснений от RBI для получения перевода и выделения доли иностранным инвесторам. Эти компании должны уведомить RBI о получении перевода в течение 30 дней после его осуществления, необходимая документация об иностранном участии должна быть предоставлена в те же сроки.

Иностранное инвестирование в сектор малых предприятий. Малые

[1] The Securities and Exchange Board of India Act, 1992. New Delhi, November, 1992. http://www.sebi.gov.in/

[2] Securities and Exchange Board of India (Procedure for Holding Enquiry by Enquiry Officer and Imposing Penalty) (Amendment) Regulations, 2005, New Delhi

предприятия (SSUs – Small Scale Undertakings) определяются как предприятия, обладающие капиталом не более чем в 10 млн рупий (около 220 тыс. долл.). Политика по отношению к малым предприятиям предусматривает, что участие в них других предприятий, включая иностранное, допустимо до доли в 24%. Однако потолок иностранного участия не предусмотрен, если предприятие намеревается выйти из статуса малого. Если доля иностранных инвестиций превышает 24% в малом предприятии, то должна быть получена промышленная лицензия, предусматривающая экспортное обложение в 50%. Продукция, предусмотренная для малых предприятий, в случае превышения уровня инвестирования для малых предприятий из-за роста производства, должна производиться по лицензии Carry–on–Business (COB). На производство, осуществляемое по лицензии COB, экспортное обложение не налагается. Однако если предприятие и далее выходит за рамки производства продукции, предусмотренной для малых предприятий, оно должно получить отдельную производственную лицензию.

Политика иностранного инвестирования для повышения торговой деятельности. Иностранное инвестирование в торговлю разрешается автоматически, если иностранная акционерная собственность не превышает 51%, а при превышении этой цифры – только правительство через FIPB. При автоматическом разрешении предъявляется требование соответствия основной экспортной и торговой деятельности действующим нормам экспортно-импортной политики. Однако в случае правительственного пути разрешено 100% ПИИ при проведении торговых операций в определенных секторах, таких как сектор высокотехнологической медицины и диагностики, социальный сектор, экспорт, оптовый импорт. ПИИ до 100% также разрешено для деятельности, связанной с электронной торговлей, при условии, что эти компании отчислят 26% своего дохода в пользу индийского государства в течение 5 лет, если они зарегистрированы в других частях света.

Другие методы ПИИ. Индийские компании могут привлекать акционерный капитал на международном рынке также посредством всемирных депозитных поступлений (GDR – Global Depository Receipts), американских депозитных поступлений (ADR – American Deposit Receipts), бондов, конвертируемых в иностранную валюту (FCCB – Foreign Currency Convertible Bonds). Предела для инвестиций не существует. Компания-соискатель, добивающаяся правительственного одобрения, должна предоставить в надлежащем виде документ, свидетельствующий об успешности ее деятельности (финансовой или другой) в течение как минимум 3 лет. Не существует ограничения на количество GDRs, ADRs и FCCBs, полученных компанией или группой компаний в течение финансового года. Компания, занимающаяся производством, одобренным автоматически, иностранная инвестиция в которую посредством GDRs, ADRs и FCCBs может превысить допустимый для автоматического пути процент, или предлагающая проект, не предусмотренный правительством, должна прежде получить одобрение правительства.

Средства поощрения инвестирования в штатах Индии. Обычно штат финансирует определенную часть затрат на инвестиционный проект[1]. Различные штаты распределены по категориям 'A', 'B' и 'C' в соответствии с их уровнем развития. Уровень участия

[1] India 2003-04 – Reliable Business Partner Attractive FDI Destination. Investment and Tehnology Promotion (ITP) Devision, Ministry of External Affairs Government of India:. Grafhic Point Pvt. Ltd., 2003.

штата в проекте варьируется и обычно больше в отстающих отраслях. Более того, пределы участия разнятся по штатам в зависимости от характера индустрии, развитием которой штат озабочен более всего. Имеются также различные средства поощрения на энергетические тарифы, предлагаемые правительствами штатов. Это могут быть отмена выплаты налога на электричество, освобождение новых предприятий от налога на несколько лет после начала производства продукции, гарантия непрерывного электроснабжения и фискальные поощрения покупки автономных генераторов электроэнергии. Льготы различны для разных штатов и отраслей промышленности и зависят от сферы деятельности данного предприятия. Некоторые штаты составляют список отраслей индустрии, для которых некоторые поощрения не применяются.

Некоторые штаты предлагают поощрения для малых предприятий или приоритетных отраслей индустрии в соответствии с их индустриальной политикой. Подобные инициативы включают концессиональные займы, предоставляемые финансовыми корпорациями штата, ценовые привилегии для товаров, производимых малыми предприятиями (SSI – Small Scale Industries), при закупке их правительственными и полуправительственными организациями, освобождение от выплаты входного налога на некоторый период, привилегии при получении земельных участков малыми предприятиями и кредитование на месте.

В проведении и разъяснении этой политики инвестирования широко и активно задействованы все дипломатические представительства Индии. В их сферу входит не только работа с официальными государственными структурами, но и работа с крупными торгово-промышленными палатами, а порой и компаниями, что приносит стране несомненный успех.

4. Успехи и преимущества в привлечении инвестиций

Анализ данных Плановой комиссии Индии по ПИИ[1] и других официальных источников[2] показывает, что политика правительства Индии по привлечению ПИИ дает свои положительные результаты. ПИИ поступают в Индию в размере $3-4 млрд ежегодно. По данным Резервного банка Индии за шесть месяцев 2005-2006 фискального года (апрель-сентябрь) в Индию поступило ПИИ на сумму 2,86 млрд долл. США, а с учетом инвестиций через GDR, ADR, FCCB, офшорные фонды и другие источники – они составили 5,10 млрд долл.[3].

Основными донорами ПИИ являются страны, от которых за период с 1991г. по январь 2004 г. правительством Индии было одобрено инвестиций в размере: США -$12,934 млрд, Маврикий - $7,952 млрд, Великобритания - $5,268 млрд, Япония - $2,613 млрд, Южная Корея - $2,198 млрд, Нидерланды - $2,123 млрд, Германия - $2,086 млрд, Австралия - $1,513 млрд, Франция - $1,464 млрд, Малайзия - $1,355 млрд, и другие (Сингапур, Швеция, Канада, ОАЭ и т.д.).

Анализ реализации инвестиционной политики и достигнутых результатов позволяют отметить, что Индия имеет следующие преимущества для иностранных инвесторов[4]: стабильная демократическая власть и более 55 лет независимости; обширный рынок среднего класса с 300 – 350 млн потребителей с возрастающей покупательной способностью; приоритетное развитие

[1] Foreign Investment, India. Planing Commission Government of India, New Delhi, August, 2002.

[2] Reports on Investment Approval and FDI in India, Academic Foundation (Compiler), New Delhi, 2004

[3] Foreign Investment in India up three-fold at US$ 7.96 bln. in H1; Asia Pulse News, Monday, December 19, 2005

[4] Indian Investment Centre. http://iic.nic.in/iic2_a.htm

технологий и инноваций; значительные запасы неиспользованных природных ресурсов; перспективное будущее в ИТи биотехнологической промышленности; благоприятный климат для иностранных инвестиций. Все это обеспечивает: свободу инвестирования, размещения, выбора технологий, импорта и экспорта; ускорение приватизационного процесса и реструктуризации государственных предприятий; конвертацию текущего счета для иностранных инвесторов и последовательное его введение для резидентов Индии и другое.

Выступая на совместном заседании парламента, Президент Индии А.П.Дж. Абдул Калам, говоря о достижениях и перспективах Индии в инвестиционной сфере, подчеркнул: «Все основные экономические показатели растут, а инвесторы вновь поверили в наш потенциал. Правительство создало Инвестиционный комитет, призванный и дальше ускорять инвестиционную деятельность, устраняя политические и операционные препятствия»[1].

По данным опроса менеджеров инвестиционных компаний, проведенного агентством новостей Reuters, Индия является наиболее популярным объектом для инвестиций в Азии[2]. В качестве основного фактора, обуславливающего инвестиционную привлекательность Индии, опрошенные Reuters менеджеры назвали проводимые в этой стране экономические реформы. Это, в свою очередь, является гарантией и потенциалом развития двустороннего сотрудничества Узбекистана и Индии, что отмечал и автор[3].

Опыт и достижения Индии в привлечении иностранных инвестиций свидетельствуют, что добиться существенного успеха в этой сфере ей позволило стремление правительства постоянно сохранять преемственность и систематически вырабатывать приоритеты и основные направления политики инвестирования, которые последовательно реализовывались во всех штатах и отраслях.

Важность изучения опыта Индии подтверждается и тем, что уже состоялись четыре визита Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова в Индию - в августе 1991 г., в январе 1994г., в мае 2000 г., и 4-6 апреля 2005 года. Президент И.А.Каримов 4 апреля 2005 года, отбывая с государственным визитом в Индию, в Ташкентском аэропорту в интервью журналистам сказал: «Индия - сегодня одна из интенсивно развивающихся стран, которая все более широко демонстрирует всему миру свой потенциал»[4]. Сегодня, накануне 15-летия со дня обретения независимости, Узбекистан преобразовался в страну со стабильной экономикой, устойчивым экономическим ростом, неуклонно понижающейся инфляцией, что позволяет широко привлечекать иностранные инвестиции. И в этом немалая роль изучения и применения зарубежного опыта.

[1] Address by the President of India to Parliament. Article 17. 25/02/2005. New Delhi.

[2] Индия - чемпион Азии по инвестиционной привлекательности. Деловая пресса. Номер 22 (276) от 14.06.2005. http://businesspress.ru/newspaper/article_mId_21960_aid_343164.html

[3] *Mavlonov I.* Uzbekistan–India: 10 Years of Diplomatic Relations, International Social Look Magazine, May, 2002, p.15, New Delhi

[4] Индия (Государтсвееный визит). УзА. Апрель 07, 2005. http://www.press-service.uz/ru/gsection.scm?groupId=4421&contentId=7664

Т.С.Расулов,
Банк-молия академияси, и.ф.н., доцент.

ВАЛЮТА СИЁСАТИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШНИНГ БАЪЗИ ХАЛҚАРО ЖИҲАТЛАРИ

Мустақил Ўзбекистон, ўз манфаатлари ва ривожланган мамлакатларнинг тажрибасига суянган ҳолда, ўз валюта сиёсатини йил сайин такомиллаштириб бормоқда. Инсониятнинг тарихи кўрсатадики, тўғри ташкил қилинган валюта сиёсати ислоҳотларни амалга оширишнинг, бозор муносабатларини янги даражага кўтаришнинг синалган воситасидир. Бозор муносабатлари ҳукмрон жамиятда валютанинг ўрни, мавқеи, салмоғи мамлакат иқтисодий ва сиёсий ҳолатининг объектив кўрсаткичидир. «Миллий валюта – миллий ифтихор, давлат мустақиллигининг рамзи, суверен давлатга хос белгисидир. Бу республикага тегишли умумий бойликдир»[1], дейди юртбошимиз И.А.Каримов. Шунга кўра, мамлакатимизда амалга оширилаётган иқтисодий ислоҳотларнинг асосий пировард мақсади иқтисодиётда бозор муносабатлари тамойилларини тўлиқ қарор топтиришдан иборат. Иқтисодиётни эркинлаштириш шароитида валютани тартибга солишнинг самарали тизимини вужудга келтириш, валюта соҳасида юзага келадиган турли ҳолатларнинг иқтисодиётнинг бошқа соҳаларига нисбатан салбий таъсирини олдини олиш тадбирларини ишлаб чиқиш катта аҳамиятга эгадир. Бунинг учун эса, иқтисодиётнинг пул-кредит ва валюта муносабатларини тартибга солиш, республика валюта биржаси ва биржадан ташқари валюта бозорларини ривожлантириш, Марказий банкнинг валюта сиёсатини такомиллаштириш ва маҳаллий шарт-шароитларни ҳисобга олган ҳолда чуқур таҳлил қилиш зарурдир. Ҳар қандай мамлакат иқтисодиётининг таянадиган асосий воситаларидан бири бўлиб молиявий жиҳатдан мустаҳкам ва барқарор фаолият юритувчи банк тизими ҳисобланади. Халқаро тажриба шундан далолат берадики, ҳар бир мустақил давлатнинг ижтимоий-иқтисодий ривожланиш даражаси ва келажакдаги тараққиёти, аввало, мазкур мамлакатда барпо этилган ва мунтазам равишда такомиллаштириб бориладиган банк тизимининг фаолиятига боғлиқдир. Банк тизимининг барқарор фаолияти – бевосита валютани тартибга солиш механизмини оқилона ва самарали юритишга йўналтирилган валюта сиёсатига боғлиқдир. Валюта сиёсати – бу валюта муносабатларини бошқариш, тартибга солиш бўйича давлат томонидан ишлаб чиқилган чора-тадбирлар йиғиндисидир.

Ўзбекистон Республикаси томонидан 2003 йил 15 октябрда Халқаро Валюта Фонди 8-моддасининг қабул қили-

[1] *Каримов И.А.* Банк тизими, пул муомаласи, кредит, инвестиция ва молиявий барқарорлик тўғрисида. Т.: "Ўзбекистон", 2005, 3-бет.

ниши ва 2003 йил 11 декабрда Ўзбекистон республикаси **«Валютани тартибга солиш тўғрисида»**ги қонуннинг[1] қабул қилиниши натижасида ташқи иқтисодий фаолият билан шуғулланадиган корхона ва ташкилотлар кўпайиб, экспорт-импорт операцияларини ҳамда капиталлар ҳаракати (инвестицион фаолият) билан боғлиқ операцияларни амалга оширувчи корхоналар сони ортиб бормоқда.

Операцияларнинг амалга оширилиши фақат ўзлари мижози ҳисобланган ваколатли банклар орқали амалга оширилади. Ушбу ҳолда ваколатли банк бозорда мижознинг топшириғига кўра ўз номидан иш кўради. Банклараро валюта савдолари сессияларида ваколатли банкларнинг валюта ресурсларини харид қилиш ва сотиш операциялари бажарилади.

Биржадан ташқари валюта бозори операцияларининг қуйидаги турлари фақат банклараро савдо сессияларида амалга оширилади:

· ваколатли банклар томонидан валюта тушумининг 50 фоизини мажбурий сотиш;

· ваколатли банклардан маблағларни бирлашган барқарорлаштириш жамғармасига харид қилиш;

· бирлашган барқарорлаштириш жамғармаси маблағларини сотиш.

Банклараро валюта битишувлари бир ҳафтада камида икки марта ўтказиладиган махсус савдо сессияларида, шунингдек, электрон дилинг тизимлар орқали амалга оширилади.

Савдо қатнашчилари банклараро савдо сессияси бошланишидан бир кун олдин хорижий валютани харид қилиш ёки сотишга олдиндан буюртманомалар беришлари шарт.

Бунда қатнашчиларнинг буюртманомаларига банк бошқаруви раиси томонидан имзоланган хорижий валютанинг манбалари ва улардан фойдаланиш мақсадлари тўғрисидаги ахборот илова қилинади.

Олдиндан бериладиган буюртманомаларга биноан хорижий валютани сотиб олиш ёки сотиш учун етарли бўлган сўмдаги ва хорижий валютадаги пул маблағларини Ўзбекистон Республикаси Марказий банкидаги махсус ҳисоб рақамларига депонентга ўтказиш банклараро савдо сессияларини ўтказиш бошланишидан бир соат олдин тугалланади.

Сўмга нисбатан хорижий валютанинг бошланғич курси сифатида олдинги банклараро савдо сессиясида қайд қилинган курсдан фойдаланилади. Савдолар бошлангунча савдо тизими барча дилерларга кўрсатиб ўтилган курсга мувофиқ бўлган хорижий валютани харид қилиш ва сотишга тушган буюртманомалар суммаси тўғрисида ахборот тақдим этади.

Агар савдонинг бошланишида хорижий валютани таклиф этишнинг умумий миқдори унга бўлган талабнинг умумий миқдоридан ортиқ бўлса, биржа маклери хорижий валютанинг сўмга нисбатан курсини пасайтиради. Агар хорижий валютани таклиф этишнинг умумий миқдори унга бўлган талабнинг умумий миқдоридан кам бўлса, биржа маклери хорижий валютанинг сўмга нисбатан курсини оширади[2].

Ўзбекистон Республикаси Марказий банкининг банклараро савдо сессияларидаги барча операциялари фақат Бирлашган барқарорлаштириш жамғармасининг маблағларини харид қилиш ва сотиш йўли билан амалга оширилади.

[1] Ўзбекистон Республикасининг "Валютани тартибга солиш тўғрисида"ги Қонуни. Т.: "Ўзбекистон", 2004.

[2] Биржадан ташқари валюта бозорида хорижий валютани харид қилиш ва сотиш операцияларини ўтказиш тартиби тўғрисида Низом. Вазирлар Маҳкамасининг 2001 йил 10 июлдаги 294-қарорига 2-илова.

Бирлашган барқарорлаштириш жамғармаси маблағларини шакллантириш учун Ўзбекистон Республикаси Марказий банки банкларараро савдо сессияларида талаб ва таклифдан келиб чиқиб шаклланадиган эркин курс бўйича белгиланган тартибда:

· мижозларнинг ваколатли банклар томонидан жалб қилинган сотувга кўйиладиган бўш валюта маблағларининг бир қисмини;

· валюта тушумининг 50 фоизини мажбурий сотишдан тушган валюта маблағларининг талаб қилинмаган қисмини сотиб олади.

Бирлашган барқарорлаштириш жамғармасининг маблағларидан қуйидаги мақсадлар учун фойдаланилади:

· банкларараро валюта савдоларини ўтказишнинг хорижий валютага талаб ва таклиф негизидаги бозор тамойилларига асосланган янги нормалари ва уларни ўтказиш тартибини жорий этишни ҳисобга олган ҳолда банкларараро валюта савдоларига хизмат кўрсатиш;

· биржадан ташқари валюта бозорида операциялар кўламини кенгайтириш ва кўпайтириш;

· валюта бозори эркинлаштирилиши даврида тўлов баланси ва хорижий валютани алмаштириш курси барқарорлигини сақлашни амалга оширади.

Банкларараро савдоларда Бирлашган барқарорлаштириш жамғармаси маблағлари билан операциялар ўтказиш ва уларни расмийлаштириш Ўзбекистон Республикаси Марказий банки томонидан Бирлашган барқарорлаштириш жамғармасини бошқариш кенгашининг қабул қилинган қарорларига қатъий мувофиқ ҳолда амалга оширилади.

Биржадан ташқари валюта бозорида операциялар ўтказиш учун ваколатли банклар ўз мижозларига махсус валюта ҳисоб рақамлари очадилар, ушбу ҳисоб рақамларига валюта бозорида сотиб олинган хорижий валюта ўтказилади. Махсус валюта ҳисоб рақами очмасдан банк мижози томонидан хорижий валюта харид қилинишига йўл қўйилмайди.

Махсус валюта ҳисоб рақамига, шунингдек, мазкур ҳисоб рақамидан илгари чиқарилган ва фойдаланилмаган ёки қайтарилган валюта ҳам ўтказилади.

Махсус валюта ҳисоб рақамидаги маблағлардан қатъий равишда мижознинг буюртманомасида назарда тутилган хорижий валютани харид қилиш мақсадларида фойдаланилади.

Қуйидагиларга йўл қўйилмайди:

- махсус ҳисоб рақамидан нақд валюта олиш, (хизмат сафари харажатлари тўлаш учун олиш бундан мустасно);

- махсус валюта ҳисоб рақамидан хорижий валютани хўжалик юритувчи субъектларнинг бошқа валюта ҳисоб рақамларига ўтказиш, шунингдек, маблағларни депозитга жойлаштириш ва ҳисоб рақамлари қолдиғига фоизлар ҳисоблаш.

Ваколатли банкларда хорижий валютани сотиб олиш учун миллий валютада етарли ҳажмда резерв қилинган пул маблағларининг мавжудлиги хўжалик юритувчи субъектлар томонидан хорижий валютани сотиб олиш бўйича операциялар ўтказишнинг мажбурий шарти ҳисобланади.

Бюджет ташкилотлари хорижий валютани харид қилишга Ўзбекистон Республикаси Молия вазирлиги ёки маҳаллий молия органлари томонидан тасдиқланган маблағлардан фойдаланиш йўналиши кўрсатилган ҳолда тегишли йилга давлат бюджетининг тасдиқланган параметрларида фойдаланиш назарда тутилган пул маблағлари мавжуд бўлган тақдирда қўйиладилар.

Валютани харид қилиш мақсадига боғлиқ равишда мижозлар, шунингдек, ваколатли банкларга буюртманомаларнинг асосланганлигини тасдиқловчи ҳужжатларни ҳам тақдим этадилар.

Тижорат банки банк мижозлари хўжалик юритувчи субъектларнинг биржадан ташқари валюта бозорига сўмларни хорижий валютага конвертация қилишга қўйилиши учун жавобгарликни ўз зиммасига олади.

Ўрнатилган меъёрий ҳужжатларга мувофиқ эксперт гуруҳлари бош банкларда тузилган бўлиб, маблағларини конвертация қилиш учун мижозлар ҳужжатларини асосий ҳисоб рақами очилган ваколатли банкларнинг филиалларига топширадилар. Филиал ходими томонидан мижоз тақдим қилган ҳужжатларнинг меъёрий ҳужжатларга мос келиши бир кун ичида текширилади ва масъул филиал ходимлари томонидан эксперт гуруҳига ҳужжатлар тақдим қилинади. Эксперт гурухи эса ушбу ҳужжатларни икки иш куни ичида кўриб чиқади ва мижозга жавоб хати беради. Агар йиғилган ҳужжатлар тўлиқ меъёрий ҳужжатларга мос келса мижознинг талаби қондирилади, акс ҳолда ҳужжатлар мижозга қайта ишлаш учун узатилади.

Бизнинг фикримизча, ушбу жараённи такомиллаштириш зарур, яъни Бош банкдаги эксперт гуруҳининг ҳуқуқ ва мажбуриятларини бевосита шаҳар ва вилоят филиалларига ўтказиш амалиётини жорий этиш керак. Бунинг учун банкнинг шаҳар ва вилоят филиалларидаги масъул ходимларнинг биржада қатнашиш бўйича кўникмаларини ҳосил қилиш ва уларга биржада иштирок этиш ҳуқуқини бериш лозим. Мижоз томонидан тақдим қилинган ҳужжатларни кўриб чиқишни 3 кундан 1 кунгача қисқартиш лозим. Чунки банк мижоз учун ишлайди. Ушбу ҳолат амалга оширилса банкнинг вилоят филиаллари учун сафар харажатлари ва девонхона харажатлари тежалади.

Ҳозирги кунга келиб халқаро иқтисодий интеграция ва глобализация жараёнлари жадаллашиб бормоқда. Шуларни ҳисобга олган ҳолда Ўзбекистон республикаси валюта сиёсати асосий йўналиши қуйидаги жараёнга қаратилмоғи лозим:

Биринчидан, Халқаро Савдо Ташкилотига аъзо бўлиш учун зарур бўлган барча чора-тадбирларни амалга ошириш керак. Шунда божхона тарифлари бошқа давлатлар билан ягоналашади ва экспорт имконияти ошиши учун замин яратилади.

Жаҳон Савдо Ташкилотининг 1994 йилги савдо ва тарифлар ҳақидаги бош битим 7-моддасини қўллаш масаласида битимда божхона қийматини аниқлаш бўйича қуйидагилар келтирилган:

- импорт қилинаётган товарнинг божхона қиймати бўлиб, ушбу товарнинг битим баҳоси ҳисобланади, яъни импорт қилувчи мамлакат томонидан экспорт қилувчи мамлакатга ҳақиқатда товар учун тўлаган ёки тўланиши кутилаётган баҳо асосдир[1].

- агар импорт қилинаётган товарнинг божхона қиймати мазкур битим 1-моддасига кўра аниқланмаса, божхона қиймати бўлиб товарни импорт қилаётган давлатга экспорт қилинаётган худди шундай товар ёки ўриндош товарнинг баҳоси ҳисобланади.

Импорт қилинаётган товарнинг божхона қиймати қуйидаги ҳисоб-китобларга асосланади[2]:

а) импорт қилинаётган товарни ишлаб чиқариш ва материал ҳамда қайта ишлаш харажатларига;

б) сотилаётган товар баҳосида ифодаланган фойда ва умумий харажатларнинг ҳажмига.

Бундан келиб чиқадики, экспорт ва импорт қилинаётган товарларнинг нархи ҳам бирмунча арзонлашади. Бу эса ташқи савдо операциялари ва валюта операцияларининг ортишига олиб келади.

Иккинчидан, хорижий валютада

[1] Қаранг: *Карро Д., Жюйар П.* Международное экономическое право. - М.: "Международные отношения», 2002, с.222.

[2] *Карро Д., Жюйар П.* Ўша жойда. С. 223.

тушумни кўпайтириш имкониятларидан бири – бу норезидентларга, биринчи навбатда, Марказий Осиёнинг Ўзбекистонга қўшни ҳудудларда яшовчи бошқа давлатлар фуқароларига кўрсатилаётган хизматлар турлари ва ҳажмини кенгайтиришдир. Ҳозирги вақтда, ушбу масала Ўзбекистон банклари томонидан Марказий Осиё банк хизматлари бозорида узоқ муддатли истиқболдаги вазифа бўлса ҳам, аммо республикамизга чегарадош ҳудудларда банк тизими етарлича ривожланмаганлигини ҳисобга олган ҳолда қуйидагини амалга оширишни мақсадга мувофиқ деб ҳисоблаймиз: норезидент юридик шахслар томонидан минимал меъёрий талабларга риоя қилган ҳолда омонат қўйилмаларини сақлаш ва тўловларни амалга ошириш имкониятларини кенгайтириш.

Шунингдек, эркин иқтисодий ҳудудлар очиш масаласини кўриб чиқиш керак. Эркин иқтисодий ҳудудлар мамлакатга чет эл валютасининг оқимини кўпайтирувчи ва ушбу ҳудудда ишлаб чиқаришнинг тез суръатларда ривожланишига кўмаклашувчи омиллардан бири ҳисобланади.

Учинчидан, республикамиз хўжалик юритувчи субъектлар томонидан экспорт-импорт шартномаларини амалга оширишда шартномаларни миллий валютамиз «сўм»да тузишга эришиш лозим. Бу асосан экспорт-импорт муносабатлари кўп ўрнатилган мамлакатларга татбиқ этилиши лозим. Ташқи савдо операцияларида сўмдан кенг фойдаланишга рухсат берилса, бизнинг ташқи савдо шерикларимизнинг сўмга бўлган талабларининг ошишига олиб келади. Бу эса ўз-ўзидан унинг курси ошишига ижобий таъсир этиши мумкин. Буни қуйидагича изоҳлаш мумкин: экспортер товарни сўмга сотишни таклиф қилади, импортер эса сўмга эга бўлиш учун ўзининг банкига мурожаат қилади. Импортер банки, ўз навбатида, Ўзбекистон республикаси валюта биржасига ёки ваколатли банкларига сўм олиш учун мурожаат қилиб, хорижий валютага сўмни харид қилади. Импортер эса харид қилинган сўмдаги маблағни экспортерга тўлаш орқали товарга эга бўлади. Экспортер эса хорижий валютага бўлган талабини биржадан ташқари валюта бозори орқали қондиради. Бундан кўриниб турибдики, сўмга бўлган талаб ортиб боради, бу эса миллий валютамизнинг қадри ошишига олиб келади.

Хулоса сифатида айтиш жоизки, мустақил Ўзбекистон Республикаси учун валюта сиёсатини такомиллаштириш энг муҳим вазифаларимиздан биридир. Бу борада жиддий қадамлар қўйилмоқда. Аммо ҳали кўп нарсани ўрганишимиз, кўп нарсани, шу жумладан, чет эл тажрибасини янада тўлароқ ўрганишимиз лозим. Масала шунинг учун мураккаблашадики, ўтмишда валюта сиёсати марказ томонидан олиб берилган ва биз фақат оддий ижрочи бўлганмиз. Энди эса мустақилликка суяниб, валюта сиёсатини оқилона такомиллаштириб, амалга оширга олишимизни қўрсата билишимиз керак.

Ш.Хусаинов, Б.Эргашев
ЖИДУ ўқитувчилари

МАЛАЙЗИЯ ИҚТИСОДИЁТИ ВА УНИНГ РИВОЖЛАНИШ ХУСУСИЯТЛАРИ

XX асрнинг иккинчи ярми ўтмиши мустамлака бўлиб, узоқ йиллар давомида иқтисодий, сиёсий ва маданий қолоқликни бошдан кечирган мамлакатларнинг озодлик, тенглик ҳамда биродарлик принциплари асосида ҳаёт кечириш йўлига ўтишлари учун кураш йиллари бўлди. Ва шуниси диққатга сазоворки, бу мамлакатлар бу борада сезиларли ютуқларга эришдилар.

Шу мамлакатлардан бири Малайзия номи билан маълум федератив давлатлардир. Малайзия жанубий-шарқий Осиёда жойлашган давлат бўлиб, Малакка ярим оролининг жанубий қисмини ва Калимантан оролининг шимолий-ғарбий қисмини эгаллайди. Малайзиянинг худуди 332,8 минг кв. км, аҳолиси 20 миллонга яқин. Аҳолининг 47 фоизи малайлар ва 34 фоизи хитойлар, қолган қисми бошқа қўшни халқлар вакилларидир.

Малайзиянинг мустақиллиги 1957 йилда эълон қилинган. Бу давлатнинг деярли ярим аср давомида босиб ўтган йўли ва айниқса иқтисодиётни кўтаришдаги муваффақиятлари жамоатчилик ва мутахассисларнинг диққатини ўзига тортмоқда.

Иқтисодий алоқаларнинг глобаллашуви бошланган бир даврда жаҳон хўжалиги доирасида барқарор иқтисодий ўсишга эришган ва унинг юқори суръатларини сақлаб қолишга муваффақ бўлган мамлакатлар қаторида Малайзия ҳам ўз савдо-иқтисодий фаоллиги ва инвестицион жозибадорлигини намойиш этмоқда. Бунинг илдизлари ва сабаб ҳамда асослари жиддий ўрганилиши ривожланаетган мамлакатлар учун катта аҳамиятга эга. Ана шу мақсадларни кўзда тутиб, Ўзбекистон Республикаси Президенти И.Каримов 2005 йил май ойида Малайзияда бўлиб, бу мамлакатнинг амалиёти билан яқиндан танишди.

Албатта, ҳар бир мамлакатнинг ўзига хос ижобий ва салбий томонлари бор. Малайзияга кўп жиҳатларидан устунлик берадиган омил, унинг океан савдо йўлларининг чорраҳасида жойлашганлигидадир.

Малайзия иқтисодиётининг кейинги йиллардаги ўсиши асосан электроника жиҳозларини экспорт қилиш эвазига таъминланиб келган эди. Шунинг учун ҳам 2001-2002 йилларда ахборот технологиялари соҳасида юз берган глобал иқтисодий тушкунлик ва инқироз бу мамлакат иқтисодиётига ҳам жиддий салбий таъсир кўрсатди. Шундан кейин Малайзия электроника жиҳозлари билан бир қаторда мамлакатнинг ярим орол қисмида саноатнинг қазиб чиқариш, металлургия, ёғочга қайта ишлов бериш, аграр хўжалиги (каучук ва пальма ёғини қайта ишлаш) соҳалари, шунингдек, енгил саноатни ривожлантиришни таъминлаш-

га эришди. Мамлакатнинг орол қисмларида нефть чиқариб олиш ва тозалаш, аграр саноат соҳаларида қайта ишлаш ривожланмоқда.

Ҳозирги пайтда Малайзия иқтисодиётининг асосини қуйидаги саноат соҳалари ташкил этади: ишлов берувчи саноат (асосий тармоқлар: электротехника, нефтни қайта ишлаш, кимё, металлургия, автомобил, тўқимачилик, озиқ-овқат), тоғ-кон саноати, нефть, табиий газ, қалай, шунингдек, темир ва мисс рудаси, боксит. Аграр соҳанинг аҳамияти ҳам жуда катта (табиий каучук, пальма ёғи, какао-дуккак, ананас, мурч, чорвачилик, денгиз ва дарё балиқчилиги, ёғоч тайёрлаш).

Ёқилғи-энергетика заҳиралари соҳасининг глобаллашуви шароитида Малайзия 75 триллион куб фут етарли газ заҳиралари, шунингдек, кунига 300000 барелдан ошиқ тоза нефть экспорти билан ўзининг жаҳон энергетика бозорларидаги ўринини мустаҳкамлайди.

Ташқи иқтисодий соҳадаги жиддий қийинчиликлар ва форс-мажор ҳолатларига баъзи ташқи тазйиқлар, Ироқдаги уруш ва хоказоларга қарамасдан 2003 йилда Малайзияда иқтисодий ўсиш 4,9 %ни ташкил этди. 2004 йилнинг 9 ойи давомида ўртача 7,5 % ни ташкил этган ЯИМ ўсиши таъминланди. 2005 йилнинг биринчи чораги натижаларига кўра, Малайзия иқтисодиёти ЯИМ нинг 5,7 % даражасида ўсишини таъминлаб берди. Мазкур минтақанинг бошқа мамлакатлари, хусусан Сингапур, Тайвань, Жанубий Корея эса ташқи талабнинг бирмунча сустлиги боис унга нисбатан пастроқ иқтисодий ўсишга эришди.

Бугунги кунда Малайзия кенг халқаро ҳамкорлик субъекти бўлиб, чет эл инвистициялари билан қўшма лойиҳаларни жалб этмоқда ва амалга оширмоқда. У электрон ва электротехник асбоб-ускуналарнинг, нефть ва суюлтирилган табиий газ, ёғоч ва ёғоч маҳсулотлари, пальма ёғи резина, тўқимачилик ва кимё саноати маҳсулотларининг экспортери бўлиб ҳисобланади. 2003 йилда «Умумжаҳон иқтисодий форми» томонидан ўтказилган рақобатбардошлик рейтингини маълумотларига кўра, Малайзия тадқиқ этилган 104 та жаҳон мамлакатлари орасида 31 ўринни эгаллайди (таққослаш учун Хитой – 46 ўрин). Рейтинг баҳолашлари ўтказилаётганда мамлакатнинг иқтисодий аҳволи ишчанглик самарадорлиги инфра тузилма каби асосий кўрсаткичлар инобатга олиниш мамлакат тараққиётин яққол кўрсатади.

Малайзия инвестицион жозибадорлигидан таъмин этиб турган муҳим омил валюта курсин барқарорлигидир. 1999 йилдан бошлаб бугунги кунга қадар мамлакатда миллий пул бирлиги – рингитнинг Америка долларига нисбати (1 доллар учун 3,8 ринггит) равишда таъминланиб келмоқда. Малайзия Миллий банкининг олтин валюта захиралари 2005 йилнинг июн ойига келиб 75,2 миллиард АҚШ долларини ташкил этган эда. Бу омилар ташқи савдо аолоқаларининг барқарор бўлишини таъмин этди. Малайзия нефть электрон ва электротехника, қишлоқ хўжалигини маҳсулотларини экспорт қилади. ACEAN, АҚШ, Европа Иттифоқи мамлакатлари, Япония, Хитой ва Жанубий Корея Малайзиянинг асосий савдо ҳамкорлари бўлиб ҳисобланади.

Малайзия экспорти ва импорти барқарор ўсмоқда. Масалан, 2004 йилнинг январ-ноябр ойлари давомида экспорт 9,57 % га ўсди ва қарийб 115 миллиард АҚШ долларини ташкил этди, бу эса бутун 2003 йил кўрсатгичидан ҳам кўпроқдир; импорт эса 2003 йилнинг ўша даврига нисбатан 14,25 % га ўсди ва қариб 95,5 миллиард долларини ташкил этди. 2005 йилнинг январ-

май ойларида савдо балансининг актив қолдиғи 10,53 миллиард АҚШ долларининг ташкил этди, экспорт 2004 йилнинг ўша даврига қиёсланганда 12,3 % га кўпайди ва 54,94 миллиард АҚШ долларини ташкил этди. Экспорртнинг таркиби бир неча йиллар давомида деярли ўзгармай келаётир. Бу соҳада электроника ва электротехника биринчи ўринда (бутун экспорт ҳажмининг 5,6 %) бўлиб, интеграл микротизимлар бу гуруҳнинг асосий таркибий қисмлари ҳисобланади. Экспортда пальма ёғи ва унинг маҳсулотлари – 5,3 % хом нефть 4,7 % суюлтирилган табиий газ – 3,4 %, ёғоч материалари ва ёғоч маҳсулотлари – 2,9 %, нефть маҳсулотлари -2,8 % ташкил этади.

Айни пайта МДҲ мамлакатлари билан савдо муносабатлари ҳам ривожланмоқда. Малайзия ташқи савдони ривожлантириш корпорациясининг маълумотларига кўра, 2004 йилнинг январ-ноябр ойларида экспорт ҳажми ўтган йилнинг ўша даврига нисбатан 30,89 % га ўсган ва 612 млн. АҚШ долларларини ташкил этган, импорт ҳажми эса 97,88 %, яъни 469 млн. АҚШ долларларини ташкил этган. Шуниси диққатга сазоварки, МДҲ мамлакатлари билан товар айланмасининг улуши 1,081 млрд. АҚШ долларлари миқдорида бўлиб, бу Малайзия ташқи савдоси умумий ҳажмининг атиги 0,51 % ини ташкил этади.

МДҲ мамлакатлари орасида Малайзия билан 1993 йилдан буён савдо алоқаларига эга. Ўзбекистон ажралиб туради. Ўзбекистон - Малайзия айланмаси 2004 йилда 171 фоиз ошди ва 12,1 млн. АҚШ долларларини ташкил этди. 8 млн. АҚШ долларларини импорт, 9,1 млн. АҚШ долларларини экспорт ташкил этди. 2005 йилда ушбу кўрсатгичлар яна 26 фоизга ошиб, 14,0 млн. АҚШ долларига етди. Малайзиядан Ўзбекистонга озиқ-овқат маҳсулотлари, ўсимлик мойи етказиб берилган, (умум улуши 21,85 %); машина ва транспорт ускуналари эса 17,07 %, телекоммункация ускуналари 10,29 %, овоз ёзиш аппаратураси -4,37 %; саноат моллари, шу жумладан резина ва тўқимачилик маҳсулотлари, кийимлар-3,68 % ташкил этади. Ўзбекистонда Малайзия билан ҳамкорликда 19 та қўшма корхона очилган.

Ўзбекистонинг Малайзия билан ўзаро иқтисодий ҳамкорлигини янада ривожланишида президент И.Каримовнинг Малайзияга 2005 йил май ойидаги визити катта ўрин тутди. Ушбу ташриф давомида жами қиймати 420 млн. АҚШ долларига тенг 23 та иқтисодий битим имзоланди. 2003 йилда Малайзия ташқи савдоси қуйидагича шаклланди: АҚШ-19,6 %; Сингапур-15,7 %; Япония-1,7%; Хитой-6,5 %; Гонконг-6,5 %; Таиланд-4,4%; худди шу йили Малайзияда импорт қуйидагича эди: Япония-17,3 %; АҚШ-15,5 %; Сингапур-11,9 %; Хитой-8,8 %; Жанубий Корея-5,5 %; Тайвань-5,0%; Германия-4,7 %; Таиланд-4,6 %; Малайзиянинг импорт маҳсулотлари қуйидагилардан иборат: электроника, машина ускуналари, нефть маҳсулотлари, пластик, автотранспорт воситалари, темир, пўлат, кимё саноати маҳсулотлари.

2004 йилнинг январ-октябр ойларида АСЕАН мамлакатларига Малайзия экспортининг ҳажми ўтган йилнинг шу даврига нисбатан 22 % ўсиб, 26,06 млрд. АҚШ долларини ташкил этди. АҚШ га 19,84 млрд. долларли маҳсулот экспортида электрон ва электротехника жиҳозлари, нефть маҳсулотлари, оптика, илмий тадқиқот ишига тегишли ускуналар, пўлат ва темирдан ишлаб чиқарилган маҳсулотларнинг ҳажми бирмунча ўсди. ЕИ мамлакатларига экспорт ҳажми 21,4 % га ўсди ва 13,5

млрд. АҚШ долларини ташкил этди. Японияга экспорт 14,3 % га ўсди ва 10,53 млрд. АҚШ долларини ташкил этди. Хитойда экспорт ҳажми 29 % га ўсди ва 7 млрд. АҚШ долларини ташкил этди.

Ёқилғи-энергетика муаммоларининг глобаллашуви инвесторларнинг Малайзияга бўлган қизиқишининг ортишига олиб келди.

Малайзия қишлоқ ҳўжалиги ва аграр саноати анча салмоқлидир. Малайзия Вьетнам миқдоридаги майдонига эга. 1980 йилда қишлоқ аҳолиси 58% ни ташкил этган ва 2001йилда 41% гача пасайган. 2001 йилда қишлоқ аҳолисининг зичлиги ҳайдаладиган ер майдонларининг бир квадрат километрига 554 нафарни ташкил этди.

Мамлакатнинг 2001-2005 йиллари учун беш йиллик ривожланиш режаси доирасида Малайзия ҳукуматининг 2004 йил учун иқтисодий дастури ривожланишнинг устувор йўналишлари сифатида куйдагиларни ўз ичига олган: қишлоқ ҳўжалиги маҳсулотларини қайта ишлаш, замонавий биотехнологиялар, туризм, соғлиқни сақлаш, ислом молиявий тизимини ривожлантириш. Ижтимоий аҳамиятга эга бўлган лойиҳаларга урғу берган ҳолда оқил молиявий сиёсатни амалга ошириш, экспортга қарамликни пасайтириш, иқтисодиётнинг ўсишини ички истеъмол ва тўғридан–тўғри ички инвестициялар ҳисобига ривожлантириш вазифаси қўйилган.

Малайзия иқтисодиётининг ўсишига доимий ва жиддий таъсир этадиган омиллардан бири кенг диверсификация қилинган иқтисодий тузилмадир. Даҳлсиз манбаларнинг баҳолашларига кўра, 2005 йилнинг январь-май ойларида эришилган юқори иқтисодий ўсиш, шу жумладан нефтга бўлган юқори нарҳлар сабабли, барқарор бўлиб қолмоқда. Жаҳон иқтисодиёти Малайзия маҳсулотлари ва табиий заҳираларининг экспортини қўллаб–қувватлашни давом эттирмоқда.

Малайзия ҳалқаро туристларни қабул қилишда арзирли бой тарих ва узоқ ўтмишга эга. Ҳашаматли маданий, меъморий, саноат ёдгорликлари, ибодатхоналар, қасрлар, масжитлар, пагодалар, черковлар мамлакати сифатида минглаб туристларни ўзига жалб этмоқда. 2004 йилнинг 10 ойи мобайнида мамлакатга 13,07 млн. турист ташриф буюрган. Асосий оқим–қўшни мамлакатлардан келувчи туристлар бўлиб, бошқа мамлакатларнинг фуқоролари таҳминан 16% ни ташкил этади. 2005 йилнинг январь-май ойларида Малайзияга таҳминан 6,8млн. турист келган.

Ўзбекистон ва Малайзия орасида ўрнатилган савдо-иқтисодий алоқаларни бундан буён янада чуқурлаштириш, ривожлантириш ва мустаҳкамлаш шак-шубҳасиз истиқболга эга ва бу борада тадқиқот ишларини кенгайтириб, икки давлат ҳамкорлигининг янги имкониятларини излаш, топиш ва асослаш муҳим вазифалардандир.

Н.Р.Насырова,
кандидат юридических наук,
доцент УМЭД

КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Современный процесс общественного развития осуществляется в условиях тесной социально-экономической интеграции государств, поэтому каждое государство в процессе правотворчества должно исходить не только из интересов внутреннего оборота, но и учитывать объективные социально-экономические отношения между членами мирового сообщества, закрепленные в международных актах, общие принципы и нормы - как всеобщие, обязательные и имеющие основополагающее значение.

Правовое регулирование международного труда – новое для нашей страны направление. Оно почти полностью отсутствовало в прежнем трудовом законодательстве. Трудовые отношения с участием иностранного элемента могут регулироваться нормами международного частного права, но отсутствие коллизионных норм в Трудовом кодексе РУ можно считать пробелом в законодательстве, который должен быть восполнен. Рассмотрим некоторые теоретические аспекты.

Отрасль международного частного права отличается от других отраслей не только своим специфическим объектом, но и наличием коллизионно-правового метода, который, в отличие от материально-правового, подчеркивает уникальность этой отрасли. Если часть трудовых отношений, осложненных иностранным элементом, относится к объекту малого частного предпринимательства, то и действие коллизионного метода применимо к трудовым отношениям. Однако в трудовом законодательстве отсутствуют такие коллизионные нормы.

Общие принципы частноправового регулирования, объединяющие гражданские и значительную часть трудовых отношений, возникающих в условиях международной жизни, обуславливают применение к последним категорий и понятий международного частного права.

Частноправовой характер в трудовых отношениях дает основание для включения их в предмет МЧП. При этом иностранный элемент придает таким отношениям международный характер и дает основание для отнесения их к объекту регулирования международным частным правом.

Одним из основных принципов международного частного права является принцип автономии воли сторон, то есть возможность для сторон частноправового отношения, осложненного иностранным элементом, выбирать любое право применительно к регулированию их прав и обязанностей. Этот принцип автономии воли признается

большинством стран в сфере правового регулирования договорных отношений с иностранным элементом, хотя в некоторых правовых системах он может применяться и для других гражданских отношений.

Автономия воли как формула прикрепления закреплена в законодательстве многих государств (в законах о международном частном праве Австрии, Венгрии, Польши, Турции, Швейцарии и др.)[1] В тех государствах, где этот принцип не получил легального закрепления, он используется как международно-правовой обычай. Автономия воли закреплена в международных конвенциях, регулирующих договорные обязательства. Среди них Гаагская конвенция о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, 1955 г., Гаагская конвенция о праве, применимом к агентским соглашениям, 1978 г., Римская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, 1980 г., Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам, 1994 г. и др.

Рассматривая возможность применения автономии воли сторон в аспекте международного частного права к трудовым отношениям, необходимо учитывать два момента – возможно ли вообще закрепить этот принцип применительно к трудовым отношениям международного характера и определить объем или границы действия данного принципа.

Сторонники применения автономии воли к трудовым отношениям в качестве аргументации своей позиции приводят примеры из сферы трудовых отношений, когда работник является высококвалифицированным специалистом, в котором заинтересован работодатель. В этом случае сам работник может быть заинтересован в выборе иностранного права государства, гражданином которого он, к примеру, является. Государства, законодательство которых рассматривает трудовой договор как один из институтов гражданского права, разрешают использовать автономию воли применительно к заключению трудового договора (Австралия, Великобритания, Канада, ФРГ, Чехия и др.)[2] Право ряда государств не только не исключает возможности применения автономии воли в сфере трудовых отношений, но и не ограничивает стороны в выборе применимого права. К таким государствам относятся Канада, ФРГ, Великобритания.[3] В США выбор сторонами применимого права может быть осуществлен только при наличии существенной связи между применимым правом и трудовым договором. Швейцарский закон позволяет сторонам подчинить трудовой договор праву страны обычного места пребывания работника или праву страны основного места деятельности, места жительства или обычного места пребывания нанимателя.

Защитной оговоркой при использовании автономии воли является закрепление положения о том, что работник не может быть лишен защиты, предоставляемой ему правом места осуществления работы.

Конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, 1980 г., тоже предусматривает возможность регулирования трудовых договоров коллизионными нормами. При этом в Конвенции речь идет только об индивидуальных трудовых договорах, хотя что следует понимать под индивидуальным трудовым договором, в Конвенции не определяется. В качестве основного

[1] Международное частное право. Иностранное законодательство. М.: «Статут», 2000.

[2] Международное частное право. Иностранное законодательство. М.: «Статут», 2000.

[3] Там же.

коллизионного начала регулирования трудовых отношений эта Конвенция закрепляет принцип автономии воли сторон. При этом подчеркивается, что работник, с которым заключен индивидуальный трудовой договор, не может быть лишен защиты, предоставляемой ему императивными нормами права, подлежащими применению в силу п. 2 ст. 6 при отсутствии выбора применимого права. В соответствии с правилами этого пункта, при отсутствии соглашения сторон индивидуальный трудовой договор подчиняется праву страны, в которой работник обычно выполняет свою работу по данному договору, даже если он временно работает в другой стране; или в случае, если нет такой страны, – праву страны, где находится предприятие, нанявшее работника. В ситуации, если договор наиболее тесно связан с другой страной, применению подлежит право этой страны. В данном случае принцип наиболее тесной связи будет реализовываться в каждом конкретном случае исходя из данных фактических обстоятельств.

Европейская конвенция о праве, применимом к договорным обязательствам, 1980 г. (Римская конвенция), не предусматривает никаких ограничений по данному вопросу, что соответствует практике государств-членов Европейского Союза. Однако в ряде государств, в частности ФРГ, был введен критерий «разумного интереса», который интерпретируется судами и учеными как критерий «добросовестности сторон». Отчасти «отголоски» принципа добросовестности можно найти в содержащемся в ст. 1165 ГК РУ положении о том, что если из совокупности обстоятельств дела, существовавших на момент выбора подлежащего применению права, следует, что договор реально связан только с одной страной, то выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действия императивных норм страны, с которой договор реально связан.

Мы полагаем, что последний вариант в наибольшей степени обеспечивает интересы работника и может быть рассмотрен в качестве проекта статьи об автономии воли для регулирования трудовых отношений. На наш взгляд, работник является слабой стороной в договоре по отношению к работодателю, он должен быть защищен императивными нормами права государства, где осуществляется его трудовая деятельность.

Следует отметить, что ст. 5 ТК РУ предусматривает механизм, гарантирующий работникам, что условия соглашений и договоров о труде, ухудшающие положение работников по сравнению с законодательными и иными нормативными актами, недействительны. То есть, во-первых, запрещено включать в генеральное соглашение, коллективный договор и трудовой договор условия, снижающие уровень прав и гарантий работникам, предусмотренный в законодательстве. И, во-вторых, если такие условия и включены, то они не имеют юридической силы. Это свидетельствует, что императивные нормы трудового законодательства должны применяться к трудовым отношениям с иностранным элементом независимо от решения сторон.

Таким образом, считаем возможным и целесообразным закрепить принцип автономии воли в трудовом законодательстве РУ, ограничив возможность его применения следующими положениями:

1) выбор сторонами применимого права возможен только при соблюдении письменной формы; 2) право, выбранное сторонами, не может повлечь за собой лишение работника защиты

его прав, предоставляемой императивными нормами права страны, применимого при отсутствии выбора; 3) если из совокупности обстоятельств дела следует, что договор реально связан только с одной страной, то выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действия императивных норм страны, с которой договор реально связан.

Первое ограничение отличается от закрепленного в ст. 366 ГК РУ положения о возможности заключения соглашения сторон не только в письменной, но и в устной форме. По нашему мнению, обязательность письменной формы для заключения трудового контракта, установленная в трудовом законодательстве РУ, должна сохраняться и при регулировании формы международного трудового контракта.

Второе ограничение, как уже указывалось, защищает работника как слабую сторону трудового контракта императивными нормами заранее известной ему правовой системы.

Третье ограничение заимствовано из ст. 1165 ГК РУ, что, по нашему мнению, соответствует принципу адекватного и эффективного регулирования и рассматривает принцип наиболее тесной связи как гибкий коллизионный принцип современного международного частного права.

Предлагая законодательное закрепление принципа автономии воли к трудовым отношениям для различных категорий работников, следует сформулировать нормы о выборе применимого права, действующие при отсутствии соглашения сторон. Возможны различные варианты коллизионных привязок. В большинстве государств трудовые отношения регулируются правом места осуществления трудовой деятельности, если стороны не воспользовались автономией воли. Подобное регулирование предусмотрено, в частности, Законом о международном частном праве и процессе Чехословакии 1963 г. Согласно ст. 16 закона, «отношения, вытекающие из трудового договора, регулируются, если стороны не договорились об ином, правом места выполнения работы. Однако, если работник выполняет работу в одном государстве на основании трудового правоотношения с организацией, имеющей место нахождения в другом государстве, применимым является право государства места нахождения организации, если только речь не идет о лице, которое имеет место жительства в государстве, где выполнялась работа».[1] Дополнительные коллизионные принципы, нашедшие отражение и в цитируемом законе 1963 г., связаны с тем, что место осуществления трудовой деятельности не всегда легко определить. В тех ситуациях, когда работник большую часть времени находится в командировках или работает на территории нескольких государств, вспомогательным критерием, который может применяться, является закон места нахождения предприятия работодателя.

Рассмотрев примеры из законодательства зарубежных государств, считаем возможным внести некоторые дополнения в Трудовой кодекс Республики Узбекистан, включив статью, содержащую коллизионные нормы, в такой редакции: «Стороны договора, регулирующего трудовые правоотношения сторон, осложненные иностранным элементом, могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Соглашение сторон о выборе подлежащего

[1] Международное частное право. Иностранное законодательство. М.: «Статут», 2000. С.606.

применению права должно быть заключено в письменной форме. Выбор сторонами применимого права означает выбор материального права. Выбор сторонами права не может повлечь за собой лишения работника защиты его прав, предоставляемой императивными нормами права страны места жительства работника, а также императивными нормами права страны, где осуществляется трудовая деятельность. Если из совокупности обстоятельств дела следует, что договор реально связан только с одной страной, то выбор сторонами права другой страны не может затрагивать действие императивных норм страны, с которой договор реально связан. При отсутствии соглашения сторон применимым будет право места выполнения работы».

Считаем также необходимым закрепить в трудовом законодательстве норму о возможности применения законодательства в сфере международного частного права к трудовым отношениям по аналогии. Речь идет о закреплении возможности регулирования нормами международного частного права трудовых отношений, осложненных иностранным элементом. Это обусловлено тем, что не все институты международного частного права могут быть отражены в трудовом законодательстве (институт оговорки о публичном порядке, институт сверхимперативных норм). Указанные пробелы должны быть восполнены за счет применения аналогии права и аналогии закона.

Из перечисленных примеров также видно, что, насколько бы детальна ни была дифференциация «трудовых» коллизионных норм в праве конкретного государства, ими все равно нельзя охватить все многообразие трудовых ситуаций или все элементы трудовых правоотношений. Тем не менее, иностранный правовой опыт в рассматриваемой области может быть использован при разработке системы коллизионных норм для международных трудовых отношений в рамках кодификации международного частного права в Республике Узбекистан. Разумеется, при этом следует иметь в виду, что в период рыночных реформ государство должно обеспечивать социальную защиту труда, гарантированную императивными нормами права.

А.Мирзаев,
к.ю.н., докторант ТГЮИ, доцент УМЭД

О СООТНОШЕНИИ СФЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Безопасность с точки зрения охранительной парадигмы обычно трактуется как состояние защищенности от опасностей. Этимология этого слова предполагает противодействие опасности, защищенность от нее. Возникают вопросы, что же такое опасность, всякое ли явление, угрожающее другому явлению, представляет для него опасность?

Если речь идет о сохранении существующих отношений или функционировании социальной системы[1], то опасностью может стать все, что вызывает их изменение, а это значит, что безопасность для социальной системы означает ее защищенность от внутренних и внешних воздействий с целью изменения. Очевидно, что такое понимание безопасности фактически станет тормозом развития, что в конечном итоге приведет к разрушению системы, поскольку изолирует ее от современного мира. Отсюда следует, что социальная система должна обладать возможностью самосохранения, не препятствующей развитию. Опасность для социальной системы представляет лишь то, что сдерживает или прекращает ее развитие.

А.Р.Рахманов по данному поводу замечает, что «…безопасность общества предполагает наличие общественных институтов, норм, известных форм общественного сознания, позволяющих реализовать права и свободы всех групп населения и противостоять действиям, ведущим к расколу общества (в том числе и со стороны государства)»[2].

Во многих определениях национальной безопасности авторы часто ссылаются на жизненно важные интересы нации, однако использование и этой категории нуждается в уточнении.

Гораздо правильнее было бы говорить о защите жизненно важных ценностей, а не интересов, поскольку интерес – это причина действий индивидов, социальных общностей, определяющая их поведение и стоящая за их непосредственными побуждениями, то есть мотивами, помыслами, идеями, намерениями. Защищенность интересов как побудительных причин, служащих основой национальной безопасности, воспринимается довольно странно. Даже если под интересами понимать потребности, вряд ли они могут составлять то главное и существенное, что нуждается в защите. Потребности могут удовлетворяться или не удовлетворяться, но никоим образом не защищаться.

[1] Имеем в виду общество, государство, государственные и общественные организации.

[2] *Рахманов А.Р.* Проблемы безопасности: на национальном, региональном и глобальном уровнях (международно-правовые аспекты). – Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. С. 62.

В широком смысле можно говорить об интересах национальной безопасности как о причинах, обусловливающих необходимость защиты общенациональных ценностей.

Мы уверены, что при рассмотрении понятия «национальная безопасность» не следует отказываться от включения в него понятия «национальные интересы», следует лишь уточнить их соотношение. Не национальная безопасность выводится из национальных интересов, а, напротив, в основе национальных интересов лежит национальная безопасность, и это, на наш взгляд, аксиома.

Первооснову национальной безопасности Узбекистана составляет совокупность интересов отдельных граждан и всего государства. Наша страна «...рассматривается как инструмент, обеспечивающий наилучшие условия для развития личности, граждан, общества и самого государства, включая весь спектр действующих объективных и субъективных факторов»[1].

Национальные интересы – это субъективное осознание жизненно важных потребностей страны. Безопасность является именно такой потребностью, поэтому правильнее считать, что основной национальный интерес – это обеспечение безопасности государства.

Вместе с тем следует признать, что наряду с понятием безопасности вполне устоялось выражение «защищенность интересов». Понятно, что имеется в виду защищенность субъекта права на те или иные личные и общественные блага, а также защищенность самих ценностей, то есть материальных и духовных явлений, их свойств и качеств, обладающих определенной значимостью для субъекта. Поэтому если речь идет, например, о защищенности интересов Узбекистана в том или ином регионе, то под этим понимается прежде всего такое состояние международной обстановки в этом регионе, которое обеспечивает сохранение и развитие основных политических, социально-экономических и духовных ценностей, значимых для страны.

Таким образом, *национальную безопасность Узбекистана мы можем определить как состояние защищенности от внутренних и внешних угроз жизненно важных интересов нашей страны, способствующее ее развитию.*

Использование термина «национальная безопасность» в широком научном и политическом значении в Республике Узбекистан произошло благодаря трудам и выступлениям Президента нашей страны И.А.Каримова, который поставил проблему и обосновал концептуальные и методологические подходы к обеспечению национальной безопасности Узбекистана[2].

Термин «безопасность» закреплен в Конституции Республики Узбекистан и в ряде нормативно-правовых актов[3].

[1] *Рахманов А.Р.* Там же. С. 62-63.

[2] См.: *Каримов И.А.* Выступление на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Наша цель: свободная и процветающая Родина. – Т.: Ўзбекистон, 1996. С. 44-45; Он же. Основные принципы общественно-политического и экономического развития Узбекистана // Родина священна для каждого. Т.3. – Т.: Ўзбекистон, 1996. С. 37-48; Он же. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // По пути безопасности и стабильного развития. Т. 6. – Т.: Ўзбекистон, 1998. С. 29-244; Он же. Узбекистан, устремленный в XXI век // Свое будущее мы строим своими руками. Т.7. – Т.: Ўзбекистон, 1999. С. 342-372.

[3] Конституция Республики Узбекистан. – Т.: Ўзбекистон, 2003. С. 34.; Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – Т.: Министерство юстиции Республики Узбекистан, 2001. С. 365.; Конституционное право Республики Узбекистан (Сб. нормат. актов). Т.2. – Т.: Шарк, 1995. С. 362-371.

Своим постановлением от 29 августа 1997 г. Олий Мажлис Республики Узбекистан утвердил Концепцию национальной безопасности Республики Узбекистан. Опираясь на общепризнанные принципы и нормы международного права, концепция определяет основы единой государственной политики в сфере национальной безопасности[1].

Как справедливо подчеркивает Л.Ф.Кашинская, «...разработка целого ряда нормативно-правовых актов, в которых регламентируется обеспечение тех или иных сфер национальной безопасности, требует исследования теоретико-правовых аспектов данной проблемы»[2], а, на наш взгляд, также и уголовно-правовых аспектов, что еще раз подчеркивает актуальность рассматриваемой темы.

Национальная безопасность – это родовое понятие по отношению к видам безопасности. Классификация видов безопасности играет большую методологическую роль в построении всей системы обеспечения национальной безопасности и ее правового регулирования, в том числе для выработки правильной стратегии, тактики выявления и противодействия реальным потенциальным, внешним и внутренним угрозам национальной безопасности Республики Узбекистан.

Специалисты по безопасности выделяют десятки и даже сотни различных видов, но при этом не всегда заботятся о соблюдении логических правил классификации. К сожалению, это приводит к смешению общих и частных вопросов. Например, в одном ряду можно встретить такие виды, как экономическая и продовольственная безопасность, военная и пограничная безопасность, техногенная и технологическая безопасность[3]. Это существенным образом влияет на формирование системы обеспечения национальной безопасности и ее уголовно-правовое регулирование, поэтому основу классификации видов безопасности должны составлять наиболее существенные признаки. К их числу следует отнести, прежде всего, объекты безопасности.

Можно отметить, что в исследованиях проблем безопасности Республики Узбекистан понятие «национальная безопасность» фактически вытеснило понятие «государственная безопасность», что во многом связано с прежним (до 1991 г.) пониманием государственной безопасности как незыблемости коренных устоев социалистического общества. Вследствие этого сам термин «государственная безопасность» в определенной степени получил негативную окраску.

Мы неспроста указываем на то, что если отказаться от понятия «государственная безопасность» или включить его в «национальную безопасность», то размывается сфера действия специальных служб государства, появляется возможность наделить их не свойственными им функциями; кроме того, теряется или отходит на второй план основная направленность их деятельности.

Очень важно четко определить содержание понятия «государственная безопасность», его место в представлениях о структуре национальной безопасности. Для уяснения содержания

[1] Рахманов А.Р. Проблемы безопасности: на национальном, региональном и глобальном уровнях (международно-правовые аспекты). – Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. С. 63.

[2] Кашинская Л.Ф. Государственная и национальная безопасность: проблемы теории. – Т.: Академия МВД Республики Узбекистан, 2003. С.12.

[3] Более подробно вопрос классификации видов безопасности см.: Белая книга российских спецслужб. – М.: Обозреватель, 1996. С. 42-52, с. 53-60, с. 164-177.

понятия «государственная безопасность» его следует отделить от понятия «безопасность государства»[1]. Безопасность нашего государства находится в одном ряду с такими понятиями, как безопасность личности и безопасность общества. Эти понятия можно представить как взаимопересекающиеся с личной, общественной или государственной безопасностью.

Очевидно, что безопасность государства предполагает не только выявление и устранение угроз, но и противодействие их источникам, а также целенаправленную деятельность по обеспечению устойчивого поступательного развития государства. Если отождествлять понятия «государственная безопасность» и «безопасность государства», то в систему обеспечения государственной безопасности следовало бы включить всю экономическую, социально-политическую и духовно-идеологическую сферу общества в той мере, в какой идет развитие государства и обеспечивается его безопасность.

Однако в среде юристов и практиков службы безопасности государственная безопасность, помимо обозначения объекта защиты, определялась и характером угроз государству и их источниками. Эти угрозы отождествлялись со специфичной разведывательной и иной подрывной деятельностью иностранных спецслужб и организаций, а также с деятельностью, посягающей на конституционный строй государства.

Вот почему важно ограничить понятие «государственная безопасность» лишь состоянием защищенности действующего в Республике Узбекистан конституционного строя, политического, экономического, оборонного, научно-технического и информационного потенциала нашей страны от внешних и внутренних угроз, исходящих от иностранных спецслужб и организаций, а также преступных сообществ, групп и отдельных лиц. Это определение государственной безопасности можно назвать определением в узком смысле слова. В широком смысле государственная безопасность - это защищенность основ существования страны. Другими словами, ***государственная безопасность является высшим проявлением национальной безопасности***, поэтому ее нельзя соотносить с другими видами безопасности как однородную. ***Государственная безопасность включает все другие виды безопасности, выделяя в них свой объект.***

"...В современных условиях, – указывает глава нашего государства И.А.Каримов, – проблема дальнейшего укрепления новой государственности Узбекистана через более четкое определение роли государства в системе политических институтов общества приобретает особое значение, прежде всего с точки зрения укрепления основ национальной безопасности, сохранения стабильности и устойчивого политического и экономического развития страны"[2].

[1] См. подробно: *Турсунов А., Нурназаров Р.* Национальная безопасность Республики Узбекистан: законодательные основы и правовое регулирование ее обеспечения // Право. № 3. 2004. С. 18-20; *Турсунов А.С.* Давлат ва суверен тенглик // Хаёт ва конун. 2002. № 1. 7-8 б.; *Кодиров А.* Сиёсий давлатнинг шаклланишига хавф солаетган ходисалар // Хукук. 2005. № 1. 5-7 б.; *Бойдадаев М.* Миллий ва минтакавий хавфсизлик (унга таъсир кўрсатувчи омиллар хусусида) // Хает ва конун. 2002. № 1. 26-27 б.; *Файзиев Ш.Х.* Теоретические проблемы правового обеспечения экологической политики Республики Узбекистан: Дисс. ...докт.юрид.наук. – Т.: ТГЮИ, 2005.

[2] *Каримов И.А.* Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса // По пути безопасности и стабильного развития. Т.6. – Т.: Ўзбекистон, 1998. С. 131.

Наиболее распространенным является понимание безопасности как обстоятельства сохранения социальных качеств объекта и способность его к прогрессивному развитию (где под объектом понимается государство или общество)[1].

Хотелось бы отметить, что мы понимаем безопасность в соответствии с мнением Ж.У.Ташкулова и Ю.Х.Рысбекова. Они, в частности, полагают, что национальная безопасность, представляя собой сложное многоплановое понятие, является ключевым в системах безопасности различных уровней, а также что глобальная и региональная безопасность – производные национальной безопасности как в историческом плане, так и в плане устойчивости и возможностей (наличия реальных рычагов) ее обеспечения. Национальная безопасность ими рассматривается как первичная по отношению к глобальной, региональной и субнациональной безопасности[2].

Мы также полагаем, что национальная безопасность – это состояние сохранения государством всего многообразия своих свойств, позволяющих народу конкретного государства существовать во времени и устойчиво развиваться. Естественно, это определение не претендует на всесторонность и полноту, но, на наш взгляд, оно содержит в себе системный подход к пониманию этой проблемы.

Возрастание интереса к проблемам безопасности на разных уровнях связано с тем, что чрезвычайно участились негативные явления самого разного масштаба – от угрозы жизни и деятельности отдельного человека до опасности глобальных катастроф. Несомненно, анализировать эту проблему можно с различных позиций: с точки зрения государственного и политического деятеля, ученого и студента, экономиста, эколога и т.д. Мы убедились также в том, что возникла острая объективная необходимость построения нового понятийно-категориального аппарата такого многогранного понятия, как национальная безопасность.

[1] *Рубанов В.А.* Гражданский взгляд на безопасность страны // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. – М., 1989. С. 319.

[2] *Ташкулов Ж.У., Рысбеков Ю.Х.* К вопросу о системности категории «национальная безопасность» // Хукук-Право-Law. 2001. № 3. С. 49-52.

М.Н. Мамаюсупов
ЖИДУ
катта ўқитувчиси

АТРОФ-МУҲИТГА БЎЛГАН ҲАЛҚАРО ҲУҚУҚИЙ БАЗАНИНГ ВУЖУДГА КЕЛИШИ

Инсон ҳуқуқ ва эркинликлари инсоният маданиятининг катта ютуғи бўлиб, у ҳар бир жамиятнинг сиёсий-ижтимоий ва маданий ривожланишида асосий омиллардан ҳисобланади. Инсон ҳуқуқлари ва эркинликларини расмий қарор топтиришга асосий туртки берган ҳужжат 1945 йил қабул қилинган БМТ низомидир. Ушбу низомнинг 1- моддасида, инсоннинг ирқи, тили, жинси ва динидан қатъий назар ҳуқуқ ва эркинликларини ҳурмат қилиш ва ҳимоя қилиш БМТнинг бош мақсадларидан биридир деб эътироф этилган.

Бундан ташқари, инсон ҳуқуқ ва эркинликлари 1948 йил БМТ Бош ассамблеяси томонидан қабул қилинган «Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон декларацияси»да тўлиқ акс эттирилган. Мазкур декларация Ўзбекистон Республикаси Олий кенгаши томонидан 1991 йил 30 сентябрида ратификация қилинган. «Ҳамма инсонлар, - дейилади Декларациянинг 1-моддасида, - шаъни, ҳуқуқлари тенг ва озод туғилади»[1].

«Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон декларацияси»нинг узвий давоми сифатида 1966 йил БМТ Бош ассамблеяси томонидан қабул қилинган «Иқтисодий, ижтимоий ва маданий ҳуқуқлар тўғрисидаги халқаро пакт» ва «Фуқаролик ва сиёсий ҳуқуқлар тўғрисидаги халқаро пактларда»[2] инсон ҳуқуқ ва эркинликлари янада кенгроқ ёритилган. Инсон ҳуқуқ ва эркинликларининг асосий халқаро ҳуқуқий базавий ҳужжатлари ҳисобланадиган ушбу пактлар Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси томонидан 1995 йил 31 августда ратификация қилинди ва республикамиз ҳудудида амал қила бошлади. Ҳозирги кунга келиб, юридик адабиётларда инсон ҳуқуқларини эълон қилиш вақтидан келиб чиқиб уч авлодга ажратиш қабул қилинган[3]:

Биринчи авлодга, инсоннинг ҳар қандай (шу жумладан, давлатнинг ўзи томонидан) ноқонуний аралашувлардан иҳоталашга қаратилган фуқаролик ва сиёсий ҳуқуқлар киради.

Иккинчи авлодга, таъминланиши учун одатда давлатнинг аниқ ҳаракатлари талаб этиладиган ва шу боисдан «ижобий» деб аталувчи ижтимоий–иқтисодий ҳуқуқлар мансубдир.

Учинчи авлод эса, «жамоавий» аталмиш ҳуқуқлар ёхуд халқлар ҳуқуқларидан иборатдир[4]. Булар сирасига, одат-

[1] Действующие нормы международного права. В трёх томах. Составители профессор Ю.М.Колосков и Э.С.Кривичикова. –М.: 1999 г.

[2] Права человека. (Сборник международных договоров). Составитель профессор А.Х.Саидов. –Т.: 1995 г.

[3] Ўзбекистон Республикаси ва инсон ҳуқуқлари бўйича халқаро шартномалар. Масъул муҳаррир А.Х.Саидов, -Т.: Адолат, 2002. 11-бет.

[4] Ўзбекистон Республикаси ва инсон ҳуқуқлари буйича халкаро шартномалар. Масъул муҳаррир А.Х.Саидов, -Т.: Адолат, 2002. 11-бет.

да, ривожланиш ҳуқуқи, тинчлик, соғлом атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқлар киради. Замонамизга келиб инсон ҳуқуқлари учинчи авлодига мансуб инсоннинг соғлом, қулай атроф муҳитга бўлган ҳуқуқи долзарб аҳамият касб этмоқда. Бироқ инсонлар ҳуқуқлари бўйича дастлабки қабул қилинган юқоридаги ҳужжатларда инсоннинг қулай атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқининг тўғридан-тўғри акс эттирилмаганини кўрамиз. Аммо уларда инсоннинг яшаш ҳуқуқи мустаҳкамланган эди. Маълумки, инсон биологик мавжудот сифатида табиатнинг ажралмас бир бўлаги ҳисобланади. Инсоннинг яшаши, соғлиги ва ҳаёти учун хавфсиз муҳит зарурдир. Инсоннинг яшаш ҳуқуқини таъминлаш инсон яшайдиган табиий муҳитни сақлаш ва тиклаш билан тўғридан-тўғри боғлиқдир[1]. Агар инсон яшайдиган муҳит физик, кимёвий жиҳатдан унинг турмушига, соғлигига хавф соладиган бўлса, ҳаёти ҳам хавф остида қолади. Шундан кўриниб турибдики, инсоннинг яшаш ҳуқуқини таъминлашнинг сиёсий, ижтимоий ва маданий шартларидан ташқари қулай, соф атроф-муҳит ҳам зарурдир. Юқорида тилга олинган Декларациянинг 25-моддасида инсоннинг турмуш даражаси ва соғлигини сақлаш учун зарур яшаш даражасига эга бўлиш ҳуқуқи берилган бўлса, Иқтисодий, ижтимоий ва маданий ҳуқуқлар тўғрисидаги халқаро Пактнинг (1966) 11-моддасида эса инсоннинг таъминланган яшаш даражасига ва бевосита яшаш шароитларини яхшилашга бўлган ҳуқуқи мустаҳкамлаб қўйилган. Инсоннинг таъминланган яшаш даражасига эга бўлиш ҳуқукининг мажбурий элементларидан бири бу унинг қулай, соф атроф муҳитда яшашидир.

Инсоннинг яшаш ҳуқуқи тўғрисидаги юқоридаги қоидалардан келиб чиқиб айтиш мумкинки, инсоннинг таъминланган яшаш даражасига эга бўлиш ҳуқуқининг мустаҳкамланиши билан билвосита унинг қулай атроф-табиий муҳитга бўлган ҳуқуқи ҳам мустаҳкамланади.

Аниқ ва тўғридан-тўғри инсоннинг қулай атроф муҳитга бўлган ҳуқуқи биринчи бор халқаро миқёсда 1972 йил атроф-муҳит масалаларига бағишлаб ўтказилган БМТнинг Стокгольм конференциясига тайёргарлик кўриш ва ўтказиш жараёнида кенг муҳокама қилинган эди[2]. Стокгольм конференциясини ўтказиш жараёнида кўплаб мунозаралар ва тортишувлардан кейин қабул қилинган декларациянинг 1 тамойили қўйидагича баён қилинди: «Инсон атроф-муҳитда эркин, тенг ва қулай яшаш шароитларига бўлиш ҳуқуқига эгадир, унинг сифат даражаси эса ривожланган ҳаёт кечириши учун имкон бериши ва у бугунги ва келажак авлод олдида атроф-муҳитни мухофаза қилиш ва асраб - авайлашга масъулдир»[3].

Шундай қилиб, ҳалқаро ҳужжатларга таяниб, инсоннинг мазкур ҳуқуқига қуйидагича баҳо бериш мумкин:

- Биринчидан, халқаро ҳуқуқ инсоннинг қулай атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқини инсоннинг эркинлик, тенглик каби ҳуқуқлари билан бир қаторга қўяди. Демак, инсоннинг қулай, соф атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқи инсоннинг асосий ҳуқуқларидан биридир.

- Иккинчидан, қулай атроф-муҳит, бу- инсоннинг қулай, ривожланган турмуш шароитларига эга бўлиш ва соғлиги, ҳаёти учун зарур бўлган муҳитдир.

- Учинчидан, инсон ҳуқуқлари инсонга мажбуриятлар юклайди: табиат ресурсларини асраб-авайлаш, уларни муҳофаза қилиш, бутун инсониятнинг баҳраманд бўлиши, тирик табиатдан

[1] Инсон ҳуқуқлари. Масъул муҳаррирлар Х.Б.Бобоев, И.Р.Рамазонов, -Т.: Ўзбекистон, 1997. 105-бет.

[2] *Щемшученко Ю.С.* Проблемы экологического права, Киев. 1989.

[3] *Щемшученко Ю.С.* Проблемы экологического права, Киев. 1989.

фойдаланиш ва уни бошқаришда инсоннинг масъуллигидир.

Атроф-муҳит тўғрисидаги Стокгольм Декларацияси тавсия характерига эга бўлмаса ҳам муҳим ҳуқуқ манбаси бўлиб хизмат қилиб келмоқда. Унда инсоннинг қулай атроф-муҳитда яшаш ҳуқуқининг ғоявий асослари берилган. Инсоннинг қулай атроф муҳитда яшаш ҳуқуқи декларация қабул қилингандан кейин қабул қилинган норматив актларда бевосита белгилаб ўтилмаган бўлса ҳам, мазкур хуқуқни бевосита муҳофаза қилишга қаратилган норматив актлар ижод қилинди. Бу халқаро актларда инсоннинг қулай атроф-муҳитда яшаш ҳуқуқини ҳимоя қилиш асосий мақсадлардан бири сифатида белгилаб олинган.

Ушбу мақсад «Европада ҳамкорлик ва хавфсизлик масалалари бўйича кенгашнинг якунловчи акти»нинг «Атроф-муҳит» бўлимида (1975), «Табиий муҳитга ҳарбий ёки бошқа ғаразли мақсадларда таъсир қилишни таъқиклаш тўғрисида»ги Конвенцияда (1976)[1], БМТ Бош Ассамблеясининг «Ер табиатини ҳозирги ва келажак авлодлар учун сақлашда давлатларнинг тарихий жавобгарлиги тўғрисида»ги резолюциясида (1981)[2], БМТнинг «Денгиз ҳуқуқи тўғрисида»ги Конвенциясида (1982)[3] ва бошқа халкаро актларда ўз аксини топган.

Инсоннинг соф атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқи экологик хавфсизлик концепцияси билан ҳам чамбарчас боғлиқдир. Экологик хавфсизлик инсоннинг қулай атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқини таъминлашнинг гаровидир. Мисол учун «Табиий муҳитга ҳарбий ёки бошқа ғаразли мақсадларда таъсир қилишни таъқиклаш тўғрисида»ги Конвенцияда (1976), экологик хавфсизликни таъминлаш билан биргаликда инсоннинг қулай атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқини ҳимоя қилиш назарда тутилган. Ушбу Конвенция уруш олиб боришнинг янги воситалари бунёд этилишининг олдини олиш ва бу орқали атроф-муҳитни муҳофаза қилишни кўзда тутади. Конвенцияда қатнашувчи давлатлар табиий муҳитга ҳарбий ва бошқа ғаразли мақсадларда таъсир кўрсатмаслик мажбуриятини олган. Шу билан биргаликда конвенцияда атроф-муҳитга тинчлик мақсадларида таъсир кўрсатиш таъқиқланмаган. Конвенция табиий муҳитга ҳарбий ва бошқа ғаразли мақсадларда таъсир қилишнинг олдини олиб экологик хавфсизлик масалаларини ҳал этади ва шу орқали инсоннинг қулай атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқини ҳам муҳофаза қилади.

Инсоннинг қулай атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқининг ривожланишида Стокгольм конференцияси қарорлари асосида тузилган БМТнинг атроф-муҳит бўйича дастури (ЮНЕП) катта ҳисса қўшиб келмоқда[4]. ЮНЕП таркибида атроф-муҳит ҳуқуқи бўйича экспертларнинг ишчи гуруҳи доимий фаолият олиб боради. Бу ишчи гуруҳнинг асосий вазифаси халқаро атроф-муҳит ҳуқуқини ривожлантириш, халқаро актларнинг лойиҳаларини тайёрлаш, таклиф ва мулохазалар киритиш кабилардан иборатдир. Мисол учун ЮНЕП томонидан тайёрланган «Озон қатламини муҳофаза қилиш тўғрисида»ги халқаро Конвенция лойиҳаси 1985 йил мартда Вена шаҳрида ўтказилган конференцияда қабул қилинди. Ушбу конвенцияни

[1] Действующие нормы международного права. В трёх томах. Состовители профессор Ю.М.Колосков и Э.С.Кривичикова –М., 1999.

[2] Действующее международное право охраны окружающей среды. В трёх томах. Составитель Б.Э.Очилов. –Т., 2002.

[3] Действующее международное право охраны окружающей среды. В трёх томах. Составитель Б.Э.Очилов. –Т., 2002.

[4] *АдылкариевХ.Т., ОчиловБ.Э.* Международное право охраны окружающей среды. –Т., 2002.

Ўзбекистон Республикаси ратификация қилар экан (1993 йил 18 май), давлатимиз, Ер озон қатламининг емирилиши ва ўзгаришига таъсир қилувчи омилларнинг олдини олишга қаратилган чора-тадбирлар кўриш, инсон саломатлиги ва атроф-муҳитга нисбатан бўлаётган таъсирларни камайтириш, олдини олишга қаратилган чоралар кўриш мажбуриятларини олган. Атроф-муҳит тўғрисидаги Стокгольм Декларацияси қабул қилинганлигининг йигирма йиллиги муносабати билан ва унинг узвий давоми сифатида 1992 йил 3-14 июнда Рио-де-Жанейро (Бразилия) шаҳрида атроф-муҳит ва ривожланиш муаммоларига бағишланган катта халқаро конференция ўтказилди[1]. Бунинг натижаси ўлароқ атроф-муҳит ва ривожланиш тўғрисидаги Рио-де-Жанейро Декларацияси қабул қилинди. Рио-де-Жанейро Декларацияси Стокгольм Декларацияси негизида ишлаб чиқилган бўлиб, унинг тамойилларини кенгайтириш ва ривожлантириш асосида халқаро атроф-муҳит ҳуқуқининг янги тамойилларини ўрнатишни мақсад қилган. Бироқ Рио-де-Жанейро Декларациясида инсоннинг қулай атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқи тўғридан-тўғри баён қилинмаган. Рио-де-Жанейро Декларациясида ривожланиш жараёнини таъминлашнинг марказий бўғинини инсон тўғрисида ғамхурлик қилиш ташкил этади, инсонлар табиат билан уйғунликда меҳнат қилиш ва соғ-саломат яшаш ҳуқуқига эгадирлар, дейилган (1-тамойил)[2]. Инсон табиат билан уйғунликда яшаши лозим, агар табиат билан уйғунликка путур етадиган бўлса, инсоннинг соғ-саломат яшаши жиддий муаммога айланади. Декларацияда ривожланиш жараёнининг марказини инсон ҳақида ғамхўрлик қилиш ташкил этиши тўғрисидаги норма мустаҳкамланиши билан унда қатнашувчи давлатларга ривожланиш жараёнида асосий эътибор инсон саломатлигига, унинг яшаш муҳитини яхшилашга қаратиш мажбуриятини юклайди.

Атроф-муҳит ва ривожланиш тўғрисида Рио-де-Жанейро Декларациясини таҳлил қилганимизда унда атроф-муҳит масалаларидан кўра кўпроқ ривожланиш муаммоларига асосий урғу берилганлигини кўрамиз. Шундай бўлса-да, мазкур Декларация бўйича қуйидаги хулосаларни чиқариш мумкин:

биринчидан, инсоннинг табиат билан уйғунликда меҳнат қилиш ва соғ-саломат яшаш ҳуқуқи орқали инсоннинг қулай атроф-муҳитга бўлган ҳуқуқи мустаҳкамланди;

иккинчидан, иқтисодий ривожланиш шундай ташкил этилиши керакки, атроф-муҳитдан фойдаланишда ҳозирги ва келажак авлодларнинг манфаатлари эътиборга олиниши даркор;

учинчидан, давлатлар самарали қонунлар яратиши ва бу орқали афроф-муҳитни мухофаза қилишни кучайтириши лозим;

тўртинчидан, тинчлик, тараққиёт ва атроф-муҳитни мухофаза қилиш тушунчалари ўзаро бир-бири билан чамбарчас боғлиқ ва ажралмас тушунчалар эканлиги баён қилинган ва шуларга амал қилишга даъват этилган.

Атроф-муҳит тўғрисидаги Стокгольм Декларациясининг ҳуқуқ манбаи сифатида, инсоннинг қулай атроф-муҳитда яшаш ҳуқуқининг давлатларнинг миллий қонунчилигида акс эттирилишига қўшган ҳиссаси каттадир. Стокгольм Декларацияси қабул қилинганидан кейин бир қатор давлатларнинг Конституцияларида, 1976 йилги Порту-

[1] Х.Т.Адылкариев, Б.Э.Очилов. Международное право охраны окружающей среды. –Т.: 2002 г.

[2] Действующее международное право охраны окружающей среды. В трёх томах. Составитель Б.Э.Очилов. –Т.: 2002 г.

галия Конституцияси[1], 1978 йилги Испания Конституцияси[2], 1993 йилги Россия Федерацияси[3] ва бошқа давлатларнинг Конституцияларида инсоннинг қулай атроф-муҳитда яшаш ҳуқуқи конституциявий норма сифатида мустаҳкамлаб қўйилди.

Португалия Конституциясининг 10-моддасида ҳар бир фуқаронинг мувозанатли ва соғлом атроф-муҳитга бўлган ҳуқуққа эгалиги мустаҳкамланган. Тўғри, бу ерда баланслашган атроф-муҳит тушунчасининг маъноси тушунарсиз. Лекин маъно жиҳатидан баланслашган ва соғлом атроф-муҳит тушунчаси, қулай атроф-муҳит тушунчасига яқиндир.

Россия Федерацияси Конституциясининг 42-моддасида инсоннинг қулай атроф-муҳитда яшаш ҳуқуқи аниқ баён қилиб ўтилган. Унга кўра ҳар ким қулай атроф-муҳитда яшаш ҳуқуқига эга, атроф-муҳитнинг аҳволига доир ахборотни талаб қилиб олиш ҳамда экологик ҳуқуқбузарликлар оқибатида соғлигига ва мулкига етказилган зарарни қоплаб беришни талаб қилиш ҳуқуқига эгадир, - дейилган.

Шу ўринда таъкидлаб ўтиш керакки, Ўзбекистон Республикасининг 1992 йил қабул қилинган «Давлат санитария назорати тўғрисида»[4]ги Ўзбекистон Республикасининг Қонунида ва «Табиатни муҳофаза қилиш тўғрисида»[5]ги Ўзбекистон Республикасининг қонунида инсоннинг қулай атроф-муҳитда яшаш ҳуқуқи қайд этилган. «Табиатни муҳофаза қилиш тўғрисида»ги қонуннинг 12-моддасида Ўзбекистон Республикаси аҳолиси ўз саломатлигини ва келажак авлоднинг саломатлиги учун қулай атроф-муҳитда яшаш, ўз саломатлигини атроф-муҳитнинг зарарли таъсиридан муҳофаза қилиш ҳуқуқига эгалиги белгилаб қўйилган.

Кейинги йилларда экологик муаммоларнинг долзарблашаётганини ва атроф-муҳитнинг жиддий ифлосланаётганини инобатга олиб, хулоса қилинса, инсоннинг қулай атроф-муҳитда яшаш ҳуқуқини расман қарор топтириш ва амалда таъминлаш ғоятда муҳимдир. Ечимини кутаётган бу вазифалар экология ҳуқуқи ва бошқа ҳукуқ соҳалари олдига жуда катта вазифалар қўймоқда.

[1] Конституционное право зарубежных стран. 1-2 тома, отв.ред. Б.А.Страшун. –М.: 1995 г.
[2] Конституционное право зарубежных стран. 1-2 тома, отв.ред. Б.А.Страшун. –М.: 1995 г.
[3] Конституция Российской Федерации. -М.: 1993 г.
[4] Ўзбекистоннинг янги қонунлари, №7, -Т.: Адолат, 1993 йил.
[5] Ўзбекистоннинг янги қонунлари, №7, -Т.: Адолат, 1993 йил.

G.Tabak,
PhD in politics (UWED)

UNIVERSAL AND NATIONAL CULTURES IN THE POLICY OF UZBEKISTAN

The condition of a society at new stage of historical development is substantially determined by a spiritual - moral paradigm of the given national culture. It brings to the importance of acsiological essence and role of national, cultural and historical traditions, their influence to a life and policy of the state. It gives urgency to study the problems of spirituality and enlightenment.

Achievement of independence, the deep structural transformations taking place in sovereign Uzbekistan, raised essentially new problems before a science and public practice. One of the most essential tasks is to define the ways of progressive involving of a rich cultural heritage in process of construction of the legal democratic state, strengthening of spiritual and moral principles of a society. During the years of independence the understanding of the role of spirituality and cultural heritage in increasing national consciousness was enriched, new mechanisms and forms of interstate cooperation were generated, the structure of the international communications was updated. The large number of socially significant problems was designated.

In particular democratization as a basis of processes proceeding in our society pays a great attention to the question about the role of religion, Islamic culture in formation of cultural valuable orientations of the person. Speaking about cultural genesis of people, traditional values, it is impossible to ignore this question. The rules of Islam accompanied Moslems everywhere, - in mosques and religious schools, in their life (on the wall ornaments, on the gate of houses, domestic utilities), even on a battlefield (on the weapon) were written the holly lines from the Koran, khadis, (explanation of Koran) sayings of the prophet. The frequently repeated elements of dogmatism began to get features of traditions , set rules of cultural practice by means of what transference of traditional values was carried out.

Beginning from first days of independence the President of Republic Uzbekistan I.A.Karimov had put the aim - to restore the lost cultural values, customs and traditions, beliefs and consciousness, our unique culture.

Uzbekistan due to the ancient history, spiritual and moral potential, huge contribution to development of Islamic philosophy, was acknowledged in Moslem world. Religious-analytical works created in IX-XIV cc. by Imam al-Bukhari, Imam at-Termezi, al-Moturidi, al-Marginani, Zamakhshari, Najmiddin Kubro, and Bakhouddin Nakshband, are well known in studying and enlargement of humanistic ideas of Islam.

In the process of development of spiritual culture there were inevitably syncretic forms of cultural values cooperating with religious outlook. Such interrelation was possible through moral, political, religious consciousness and all together they create complex ideological world outlook. Especially it was brightly appeared in scientific works of well known religious philosophers Imam al-Bukhari, Imam at-Termezi and Hodzhi Ahmad Yassavy. Collection of Khadis (explanations of Koran) - set of leg-

ends and acts of prophet Mohammed ´Al-Jomi al Sakhikhª, ´Al adab al mufradª (´Treasures of moralsª) of Imam al-Bukhari, ´Khadisª (´Sayings of prophet Muhammadª) and ´Jamoili Mukhammadiyaª (´Data on characteristic features, moral principles and other merits of prophet Muhammadª) of Imam at-Termeziª, the Book of sayings ´Fairnameª of Ahmad Yassavy have gained the world popularity among Moslems as a valuable book of knowledge, the rules of Islam concerning universal cultural traditions.

This tendency found its followers in the works of Bakhouddin Nakshband, Fakhih Abdulvays, Ishoni Makhdumi Azam. It was supported and found understanding in people. Islamic values were firmly included in a spiritual life and began to be identified with national traditions. It was originally reflected in the works of representatives of east Revival as Abu Nasr Al Farobi (873-950), A.Beruni (973-1048), Abu Ali Ibn Sino (980-1037) and others. Material and spiritual values, created by our ancestors formed the ideal of people about humanism, kindness, upbringing of new generation. These scientists are Mukhammad Ibn Musa Al-Khorezmi (783-850), Akhmad ibn Mukhammad Al-Fargoni (797-865), Mirzo Ulugbek (1394-1449), Jalaliddin Rumi (1207-1272), Mirza Abdulkadyr Bedil (1644-1720), Zakhiriddin Mukhammad Bobur (1483-1530), Akhmad Donish (1827-1897) and others who made its valuable contribution to the development of the society.

Abu Mansur al-Maturidi connected a human network of Islamic religion with national customs and traditions of people, he showed, that fanaticism and ignorance are dangerous, which transform religious ideas into the instrument of realization of the mean purposes. The great religious thinker told: ´the main reason of all mistakes on a way of religion is a blind following to liarsª. These words are actually today; we can see it in a number of examples from different points of the world. The most perfidious purpose of extremists is violation of true Muslim canons and values, aspiration to create enmity and chaos.

Unfortunately, as a result of using the positive attitude to religion in the unseemly purposes, attempts of transformation of religion into a politics, have appeared persons who have adjoined such radical movements as vakhabism, ´Khizbut-takhrirª.

Events of last time in different countries of the world evidently showed escalating influence of the world of the Islam on global processes. The Islamic factor in the diversified form finds the display in economic, world policy, demography and culture.

Today, when the civilization experiences new and complicated steps of the development, the great value gets amplification of tolerance, strengthening of communications among the people with various religious beliefs and their fruitful cooperation.

Tradition as the mechanism of inheritance of culture should be researched from the point of reproductive function. The issue on preservation cultural origin of people faces not only independent Uzbekistan. This question faced also the developed countries, and everywhere the emphasis is made basically on cultural national traditions.

At a present stage a priority direction of foreign policy of sovereign Uzbekistan became the establishment and further development of equal rights and mutually advantageous relations with developed states. The account and interchange of cultural achievements of peoples is the most important component of international cooperation. It determines the task to research the problem of a cultural and historical heritage, reveal aspects functioning in system of international relations and render progressive influence on foreign policy of the state.

Thinkers of the past thought much of the social importance of national customs and traditions. Abu Reykhan Beruniy considered, that ´they enable people to achieve glorification of national spirit, to find kind

glory, praise, and love".[1] People values customs as a sacred property.

Today the success of foreign policy activity is directly reflected in political and spiritual development of a society. Geopolitical position of our republic also finds the reflection on definition of priority directions of foreign policy which in turn includes and takes into account moral principles, values of its people and peoples of other countries. World civilization is characterized by development of a society from its local forms to "world". American politician G.Kissenger in the book "Diplomacy" noticed: "the world order which is now created will be formed by statesmen who represent completely various cultures".[2]

"Dialogue" has arisen together with occurrence of mankind. All monuments of ancient cultures and civilizations have a character of dialogue: the Bible, the Koran, Upanishanda, doctrines of Konfuciy, Buddah, Lao-tzi, Zaratushty and others, not speaking about of Platon, Hegel, and many other outstanding thinkers of antiquity, Middle Ages, New time, present time. Dialogue between the East and the West is a dialogue of cultures and civilizations, dialogue between world cultures, world religions and civilizations. This is called to change radically modern political thinking and modern international relations. Certainly, dialogue of cultures and civilizations puts a number of problems: a parity of history and theory, ethics and a politics, traditions and innovations, it should cover all global problems of the present time - the international terrorism, extremism, drag problems, illegal arms trade, environmental problems. I.Gasprinskiy marks: "it is favourable to the West also it is pleased, if in Russia and in the East there are historical, geographical and theological motives to mutual enmity and mistrust. But whether it will be better to look in this history and geography of motives to reciprocity and the consent?".[3] The culture becomes the organizing factor of the international relations.

Concept "culture of the world" was entered into a scientific lexicon at the end of 90th years by the former general director of UNESCO Frederiko Major. "UNESCO, he wrote welcoming creation of Institute of culture of the world and the edition of magazine "Central Asia and culture of the world" under Ch.Aytmatovís initiative, - proceeding from the intellectual and moral mission, puts a task to promote culture of the world by expansion of cooperation of peoples in the field of education, science and culture providing interests of general respect, validity, legality and human rights. The world, development and democracy form an interdependent triad. Creation of culture of the world means cooperation of the various organizations - from educational institutes and the groups engaged in problems of the world, up to establishments, the organisations which are carrying out the control over arms. In November, 1998„ the general Assembly of the United Nations declared the 2001year the "Year of dialogue between civilizations under aegis of the United Nations", that is as a matter of fact continuation of 2000year of "the International year of culture of the world", carrying out by UNESCO. Actions carrying out within the framework of dialogue emphasize, that process of globalization today demands not only solution of economic problems, but also special attention to the cultural, spiritual factor. Today is also UNESCO mobilizes the main resources of international community and uses them for assistance to dialogue between cultures.

The range of influence of traditions on a person is rather wide. Besides, traditions serve as valuable orientations; they still act as indicator, an attribute of ethno national diagnostics. Therefore their skil-

[1] Абу Рейхан Бируний. Памятники минувших поколений. Избр. произведения. Т., 1957. -С. 226.

[2] H.Kissenger Diplomacy. London. 1995. -P. 28.

[3] Общественно-политический журнал «Остров Крым» №1.1999. - С. 64.

ful use as certifies the facts of history gave such results which could not be achieved in other way.

The modern model of cultural transformations which has determined the program of sovereign national development of our state has received in the world the name - ´the Uzbek model'. Its theoretical conceptual basis is developed in the works of the President of Republic Uzbekistan of I.A.Karimov, where the most important idea is that the decision of a strategic task of revival of the nation is impossible without spiritual revival, and only ´high spirituality opens a way to the great past' [1]

Cardinal changes in all spheres of life in a society, gradual comprehension of new socio-political realities, and liquidation of former stereotypes have caused a high rise of national consciousness, actualization of historical memory of people, revival of ethno national cultural values. This questions have risen to be the main in conducting policy: ´our primary goal in this sphere is consecutive continuation of noble ideas started during independence, as revival of national values, deep knowledge of ourselves, formation of national idea and ideology, restoration of an appropriate place of our sacred religion in a spiritual life of people'.[2]

Culture is dynamically developing process; the maintenance and specificity are caused by historical conditions of an epoch. As practice shows the great value here has a harmonious combination of national and universal interests and values.

Foreign policy of the Republic of Uzbekistan combines national and international interests. The friendship, good neighbourhood and the consent in multinational republics of Central Asia are made characteristic feature of its peoples became national values and achievements. The heads of five states basing on the experience of people, its traditions acted for the program of development of integration processes in region, the effective decision of economic, social and international problems.

Uzbekistan consistently and steadily realizes the political program and brings the worthy contribution into a world policy in the statement of idea of humanism. It acts with basic offers for a deepening and expansion of mutual relations between the states, regions, continents, on the base of international norms of diplomatic culture, and at the same time demonstrates high style of culture, political character peculiar to the East. Uzbekistan actively supports the open decision of a disputed situation, a wide exchange of opinions with the purpose of maintenance of the world and safety on a planet. The issues concerning strengthening and development of our state, providing safety are directly connected with the decision of tasks of revival of the best cultural and historical traditions of our people.

Universal values in cultural development of Uzbekistan which were noted by the President of Republic Uzbekistan I.A.Karimov have huge value in strengthening friendship, the world and mutual understanding between peoples, distribution outside the country of a rich spiritual heritage, integration of the Uzbek culture in universal culture, maintenance of deep knowledge of cultural wealth of the European states.

At the same time globalization renders more and more strong influence on transformation of national interests. The analysis of world experience of formation of regional integration processes shows two basic directions of cultural development. On the one hand, the integration processes leading to delete ethno cultural distinctions, and on another hand is isolation, contrasting of national cultures. Both of these di-

[1] Karimov I.A. Мыслить и работать по новому – требование времени (To think and to work on a new way is the requirement of time) V.5. Tashkent Uzbekistan, 1997 p.144

[2] Karimov I.A. Мыслить и работать по новому – требование времени (To think and to work on a new way is the requirement of time) V.5. Tashkent Uzbekistan, 1997 p.144

rections are taking place in culture of peoples of XXI century.

The newest stage of globalization is determined not only processes in sphere of economy, culture, but also in politics. Most distinctly it is shown in growth of universal institutes and movements, intergovernmental and nongovernmental organizations.

Globalization becomes more and more influential factor of the international safety. Strengthening interrelation of the states in sphere of safety and economy, globalization conducts to radical changes of priorities of their rate on a world scene, forces to look in a new fashion at an arsenal of foreign policy means, and promotes fast changes of the agenda of world politics. Playing a significant role to military, powerful components, also economic, financial, intellectual and information resources of influence are more and more popular. The instruments of such influence are diverse:

´Investment, credit diplomacy^a, using sharp requirement of the majority of countries of the world for foreign capital investments and loans;

The information diplomacy aimed at domination in global information space;

´Political engineering^a - combined use of economic, information and military-political factors for the solution of internal and external problems.

External activity of the Republic of Uzbekistan is not limited only in the area of political and economic relations. Contacts with different countries become stronger in the field of culture, science and education. With gaining independence the authority of the republic has erected on a level of a state policy the task of revival of spirituality and morals, knowledge and augmentation of ancient and modern cultural values, returning to people cultural heritage of the past, consolidation of national consciousness.

An integral part of the program of spiritual revival is also overcoming of former estrangement from external world, integration of Uzbekistan into world cultural educational, scientific community.

The basic forms of cultural communications of Uzbekistan with other states are as follows: use the potential of national diplomacy; creation the societies of friendship, the organization of joint cultural actions in the form of exchange of creative collectives, carrying out ´Days of culture^a, musical, cinema, theatrical festivals and art exhibitions; adjustment of wide information exchange; rendering assistance in realization of the National program on a professional training; expansion of the international cooperation in the field of tourism. Much is being reached in scientific sphere of mutual cooperation. Possessing the big scientific potential, Uzbekistan and countries of Europe and Asia have developed a common position of humanism and support in sphere of scientific researches.

Thus, years of independence became the period of prospects, an active entrance of Uzbekistan to international scene, dynamical carrying out of independent policy. Uzbekistan actively participates in the process strengthening stability and safety in Europe and Asia, consolidation of democratic values.

С. Саидходжаев,
А. Кучкаров,
Проект «Политика ИКТ»

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Вторая половина XX века и начало нового, XXI века выдвинули на первый план острейшие проблемы международных отношений. Это, прежде всего, невиданная интенсификация межгосударственных и международных контактов, усложнение на этой почве форм и содержания общения, обсуждения и решения неотложных проблем, с чем связана сама повседневная жизнь народов на земле.

В XX веке быстрое технологическое развитие подняло уровень жизни, грамотности, здоровья и среднюю продолжительность жизни, но оно также создало и более разнообразные приемы ведения войны, опасность термоядерного столкновения, глобальное потепление и экоцид. Поэтому информационно-коммукационные технологии (ИКТ) в XXI веке представляют собой как возможности, так и вызовы. Как и все технологии, они являются инструментом, и как он будет использован, зависит от степени самоорганизованности человечества.

Мир вошел в XX век без самолетов и телевидения, а в XXI век – с космическими кораблями, компьютерами, сотовыми телефонами и беспроводным Интернет-соединением. В течение столетия появились новые области науки и новые технологии, которые повлияли на изменение политических и экономических принципов устройства мира. Уже трудно представить область, где бы не применялись (ИКТ), которые предоставляют массу возможностей создавать и получать ценную информацию, обмениваться и пользоваться ею для своего экономического, социального, культурного и политического развития. Более того, эти технологии становятся не только инструментом для экономического и социального развития, но и источником инноваций во всех сферах человеческой деятельности. Внедрение ИКТ не ограничивается такими действиями, как обеспечение доступа к сети Интернет или замена пишущей машинки компьютером. Широкие возможности ИКТ дали толчок к появлению целого ряда направлений, таких как электронное правительство, электронное образование, электронное здравоохранение, электронная коммерция, дополняющих традиционные сферы. ИКТ может содействовать в организации дистанционного обучения с меньшими издержками, проведении сеансов телемедицины даже для очень отдаленных районов, улучшении эффективности, прозрачности, отчетности и доступности услуг правительства, обеспечении активного участия населения в его решениях.

Несмотря на преимущества, ИКТ пока остаются недоступными для многих: треть населения мира все еще не может сделать телефонный звонок, только около одной пятой части имеет опыт работы с Интернетом; основная масса информации, циркулирующая в сети Интернет, написана на английском

языке, являющемся языком только для 10% населения мира. Сохраняется так называемый цифровой разрыв (Digital Divide) – отсутствие у большей части населения мира доступа к ИКТ и возможностей реализовать их выгоды. Как следствие, многие крупнейшие институты, международные организации и ННО поддержали идею того, что если применить ИКТ в правильном контексте, они могут стать важным инструментом для разрешения вопроса глобального и национального неравенства. Акцент переходит с понимания ИКТ как просто технологий, которые могут быть использованы для специфичных нужд, к осмыслению ИКТ в качестве сильнейшего фактора развития человечества.

Программа развития ООН (ПРООН), осуществляющей свою деятельность в 166 странах мира, помогает странам внедрять мировой опыт и передовые методы в целях разработки стратегий, направленных на расширение доступа к ИКТ и использование их в процессе развития. Признавая огромный потенциал ИКТ, с начала 90-х годов прошлого столетия ПРООН выступает пионером в широком внедрении ИКТ как фактора развития посредством поддержки развивающихся стран через свои глобальные, региональные и национальные программы. В разработке программ ПРООН большое внимание обращается на создание тесного партнерства между всеми заинтересованными сторонами для объединения усилий в целях включения ИКТ в планы развития стран и меньшее – на оказание помощи в модернизации или построении инфраструктуры, обеспечении доступа к ней.

В Декларации Тысячелетия, принятой всеми странами – членами ООН в 2000 г., особо подчеркивается необходимость партнерства с частным сектором для созданий условий, при которых все могли бы пользоваться благами новых технологий, особенно ИКТ. Все чаще они рассматриваются как средство для достижения целей в области развития, обозначенных в Декларации Тысячелетия.

В Узбекистане ПРООН оказывает поддержку в области ИКТ уже в течение 10 лет. Первоначально действия ПРООН, осуществляемые в рамках собственных программ, заключались в помощи при формировании политики ИКТ, создании благоприятной среды для развития ИКТ и внедрении ИКТ в государственное управление. В частности, ПРООН в рамках программы ИЦР (DDI) оказала содействие в разработке законопроектов “Об информатизации”, “Об электронной цифровой подписи”, “Об электронном документообороте” и “Об электронной коммерции”, которые были утверждены Олий Мажлисом в 2003-2004 гг. Были инициированы также диалоги по вопросам законодательной базы развития ИКТ в Узбекистане, положено начало проведению ежегодных оценок состояния развития ИКТ и национального саммита по ИКТ. Оказано содействие в разработке национальных он-лайновых ресурсов (RE.UZ, Gov.UZ) и доработке проектов концепции по информатизации и Программы внедрения информационных технологий в государственное управление на период до 2010 г. В целях повышения осведомленности населения об ИКТ совместно с Узтелерадиокомпанией проводится цикл передач «Тараккиёт сари» («По пути прогресса») на канале «Ёшлар».

ПРООН продолжает оказывать содействие правительству Узбекистана в области развития ИКТ в рамках реализации Проекта «Политика ИКТ», который начал свою деятельность в мае 2005 г. Уже осуществлен ряд мероприятий, наиболее крупными из которых являются: 3-й Национальный саммит по ИКТ с участием более 200 представителей правительства, частного бизнеса, международного сообщества и гражданского общества для обсуждения состоя-

ния исполнения планов и программ развития ИКТ в Республике Узбекистан; организованы два визита для изучения работы действующих удостоверяющих центров электронной цифровой подписи; оказано содействие в представлении Узбекистана на Всемирном саммите по информационному обществу в Тунисе; открыты службы ИТ-волонтеров.

Необходимо отметить, что мероприятия ПРООН являются видом практического содействия Узбекистану в области ИКТ и соответствуют решениям правительства в этой сфере. Интенсивное развитие экономики и образования на основе использования ИКТ становится важнейшим национальным приоритетом. Обзор развития ИКТ за 2005 г., проведенный Проектом «Политика ИКТ», показывает общую положительную тенденцию в области формирования инфраструктуры, электронного образования, рынка информации и знаний, электронного правительства, электронной коммерции и государственной политики в области ИКТ.

Данные опроса, проведенного UNDP "ICT Policy Project" (2006 г.), показали, что увеличивается число людей, информированных об Интернете, оно составляет 59% от общего числа населения. Более того, растет количество регулярных пользователей Интернета; из числа опрошенных 13% пользуются Интернетом каждый день, что видно из рис. 1. Женщины имеют возможность использовать преимущества доступа к Интернету наравне с мужчинами. К примеру, доля женщин, использующих Интернет в качестве информационного источника, составляет 11%, что всего на 3% ниже данного показателя у мужчин.

Делаются первые шаги по расширению технологий доступа к Интернету посредством внедрения Wi-Fi и ADSL, а формирование конкурентной среды на рынке интернет-услуг делает Интернет более доступным. Как показывает обзор, в среднем стоимость доступа к Интернету снизилась до 37 центов США за 1 час. Для подключения пользователей из дома все более популярными становятся интернет-карточки (рис. 2).

В Узбекистане продолжается работа по развитию ИКТ в сфере образования с привлечением международных организаций, в частности, растет среднее количество школьников и студентов на 1 компьютер, что видно из рис.3, 4.

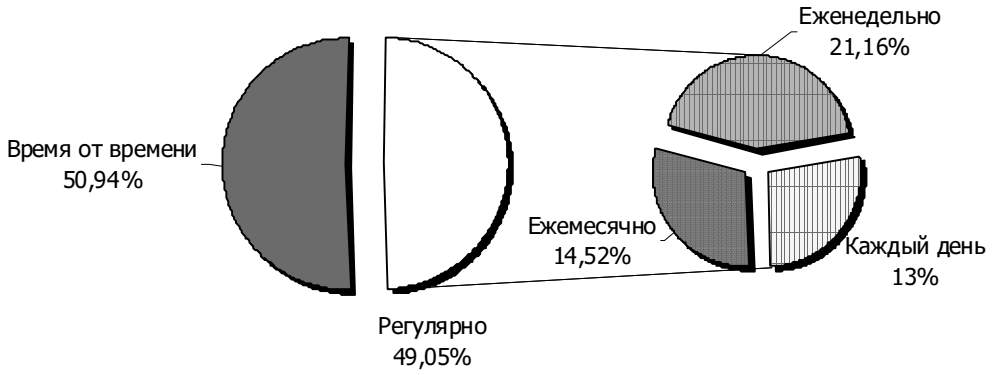

Рис. 1. Структура активности пользователей Интернет

Источник: Обзор развития ИКТ в Узбекистане за 2005 г., UNDP ìICT Policy Projectî (2006)

Рис. 2. Средние цены на доступ в Интернет

Источник: Обзор развития ИКТ в Узбекистане за 2005 г., UNDP ì ICT Policy Projectî (2006)

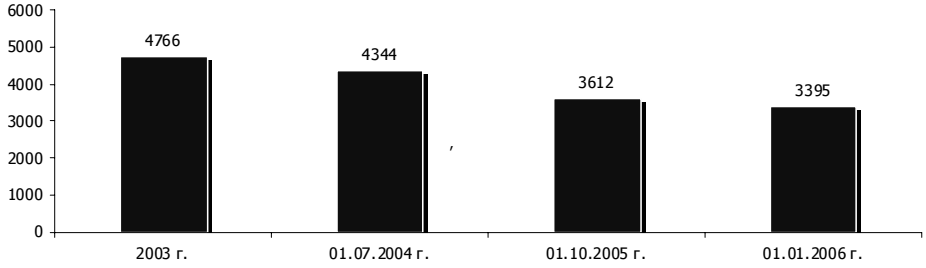

Рис. 3. Среднее количество учащихся общеобразовательных школ на 1 компьютер

Источник: Обзор развития ИКТ в Узбекистане за 2005 г.,
UNDP ì ICT Policy Projectî (2006)

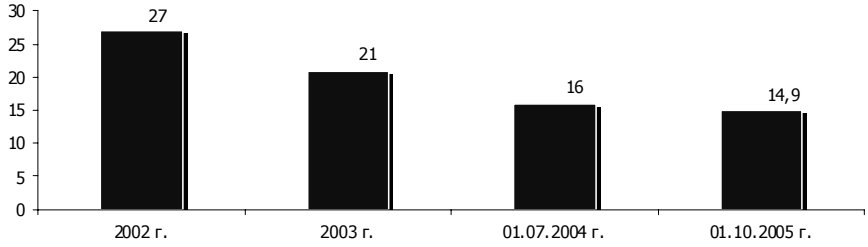

Рис. 4. Количество студентов вузов на 1 компьютер

Источник: Обзор развития ИКТ в Узбекистане за 2005 г.,
UNDP ì ICT Policy Projectî (2006)

Каждый из 61 вуза страны подключен к Интернету, при этом 56 вузов подключены по выделенным каналам, в том числе 2 – по волоконно-оптической линии связи и 3 используют беспроводной доступ RadioEthernet. Уже 17 вузов республики подключаются к Интернету по коммутируемому каналу, в большинстве случаев используя Dial-up-соединение в качестве резервного интернет-канала параллельно с выделенной линией. Нередко вузы используют одновременно от 2 до 5 различных интернет-провайдеров для соединения. В общей сложности по вузам республики средний объем месячного трафика превышает 418 ГБайт.

В рамках эффективного управления ПРООН начала реализацию пилотного проекта по внедрению электронного правительства в системе Хокимията Сырдарьинской области, который является пионером такого рода не только в Узбекистане, но и в регионе. Многое ожидается от этого проекта, так как результаты станут показательными для других подобных инициатив. Основные цели проекта – повышение эффективности взаимодействия между обществом и государством, бизнесом и государством для повышения уровня общественного доступа к информации и документам государственных органов, обеспечения открытости и прозрачности деятельности органов государственного управления для бизнеса и общества.

Придавая большое значение улучшению государственного и частного партнерства в вопросах развития сектора ИКТ, ПРООН в декабре 2005 г. в рамках Проекта «Политика ИКТ» оказала содействие в создании Ассоциации предприятий и организаций информационных технологий Узбекистана. Создание Ассоциации рассматривается как положительная практика, так как успех от реализации государственных программ во многом зависит от тесного взаимодействия с представителями частного сектора.

Мероприятия, осуществляемые правительством в сотрудничестве с международными организациями, в том числе с ПРООН в области ИКТ, свидетельствуют о приоритетности данного направления в качестве инструмента развития всех сфер общества. Эти усилия Узбекистана направлены к единой цели - внести свою достойную лепту в становление качественно новых международных отношений, когда все государства и народы в своих действиях исходят из принципов демократии, правового государства и гражданского общества.

Dr. Jyotsna Bakshi*
C/o Embassy of India

INDO-UZBEK COOPERATION IS IN DEVELOPMENT

The peoples of India and Uzbekistan, belonging to the two contiguous regions of the Indian subcontinent and Central Asia, are bound together by centuries old bonds of history, culture and shared destiny. New vistas and opportunities have opened up in the present times for building a magnificent edifice of friendship and cooperation on the basis of the solid foundations laid by history and tradition. Central Asia is regarded in India as its extended and strategic neighbourhood. The quest for peace, stability and prosperity in either Central Asia or the Indian subcontinent can not be entirely fulfilled in isolation from each other.

Since times immemorial travellers, traders, thinkers, scholars, preachers, artists, craftsmen, warriors and adventurers have been traversing the caravan routes, connecting the two regions leading to a cross-fertilization of cultures, ideas, beliefs and intermingling of races. In ancient times Buddhism spread from India to Central Asia and other parts of the vast Asian continent. The great and glorious rulers named by mistake after Mughal dynasty of India had its origins in present day Uzbekistan. Mohammad Zaheeruddin Babur, the founder of this Empire in India, was born in the Uzbek city of Andijan. Uzbekistan is situated in the very centre of Central Asia. Major civilizations and empires that developed in Central Asia in the past were based in the cities of present-day Uzbekistan ñ Samarkand, Bukhara, Khiva, etc.

The peoples of India and Central Asia also share the experience of having come under colonial yoke under the British Empire and the Tsarist Russia respectively. India was regarded the brightest jewel in the British imperial crown. The interests of the two imperial powers ñ Britain and Russiaóclashed in various regions surrounding India. The Central Asia and Afghanistan became the arena of the ´great gameª between the two in the 19th and early 20th centuries[1]. The attainment of independence by India in August 1947 provided an opportunity to renew old ties. Indian Prime Minister Jawaharlal Nehru in 1955 visited Uzbekistan. Nehru again visited Uzbekistan in 1961. Thus, the Tashkent peace conference between the Prime Minister of India Lal Bahadur Shastri and the President of Pakistan Ayub Khan was organized in January 1966. Unfortunately, Prime Minister Shastri died unexpectly in Tashkent. Prime Minister Shastriís statue and bust and the school and street named after him in the city of Tashkent form an important link in the Indo-Uzbek saga. The emergence of the independent Republic of Uzbekistan follow-

* Dr. Jyotsna Bakshi is ICCR (Indian Council for Cultural Relations) Visiting Associate Professor of Modern Indian History at the India Chair in the University of World Economy and Diplomacy, Tashkent.

[1] Jyotsna Bakshi, Russia and India from Ideology to Geopolitics, Dev Publishers, Delhi, 1999, p. 1.

ing the disintegration of the Soviet Union provided the opportunity to establish direct relations between the two sides both at the level of governments and peoples.

President Islam Karimov of Uzbekistan chose India for his first visit from August 17-19, 1991 on the eve of Soviet disintegration as the head of a republic that was to gain independence shortly. In May 1993 Indian Prime Minister P.V. Narasimha Rao paid official visit to Uzbekistan. Announcements were made about setting up an ëIndia Chairí at the University of World Economy and Diplomacy in Tashkent and the opening of an Indian Cultural Centre in the Uzbek capital. India opened credit line of $ 10 million for joint ventures, project exports and purchase of capital goods from India.

In January 1994 President Karimov paid a ceremonial visit to India. He was awarded an honorary degree by Jawaharlal Nehru University. During the visit the two countries signed agreements on cooperation in the fields of economy, culture as well as communication and postal links.

President Karimov again visited India on May 1-3, 2000 and April 4-6, 2005. Nine agreements were signed during the visit in the year 2000.

Commonality of Interests

India and Uzbekistan are not only bound together by deep-rooted historical ties, but also by a remarkable compatibility of interests on a vast spectrum of contemporary issues[1]. Both the states are deeply committed to the ideal of secularism and separation of religion from politics. Both share a modern and forward-looking world view and practical and problem-solving approach and are strongly opposed to religious extremism and obscurantism of all varieties. Uzbekistan is a Muslim majority republic. India has the second largest Muslim population in the world after Indonesia. The traditional Islam in Central Asia is liberal and tolerant. Being a land where the adherents of all the major religions of the world live together speaking in a score of languages and hundreds of dialects representing a colourful mosaic of races and rich and diverse cultural forms; the basic underlying idea of India is ìunity in diversityì or tolerance of plurality. Uzbekistan also expounds the idea ìUzbekistan is our common homeì for all its citizens irrespective of religion and ethnicity. No wonder, the idea of ëunity in diversityí is relevant for both.

India and Uzbekistan have also joined hands in combating international terrorism. In the bilateral Declarations on ìPrinciples and Directions of Cooperationî signed by India with all the Central Asian states the objectives of fight against international terrorism, ensuring political stability and secular democratic ideals are invariably emphasized[2]. India as the biggest victim of religiously-inspired terrorism that threatens the countryís basic social fabric and secular-democratic system, sympathizes with government and the people of Uzbekistan in their struggle against religious extremism and terrorism. The religious terrorism emanating from the hotbeds in their immediate neighbourhood poses a challenge to peace and security of both India and Uzbekistan.

India and Uzbekistan also strongly believe in non-interference in each otherís internal affairs. India does not believe in ëex-

[1] See, for instance, Jyotsna Bakshi, "India and Central Asia: Policy Review and Projecting into Future, 2005-2025" in N.S. Sisodia and C. Uday Bhaskar (Eds.), Emerging India: Security and Foreign Policy Perspectives, IDSA, 2005, *passim*.

[2] S.D. Muni, "India and Central Asia: Towards a Cooperative Future" in Nirmala Joshi (Ed.) Central Asia: The Great Game Replayed, an Indian Perspective. 2003. New Century Publications. Delhi. PP. 115-116.

[3] See, for instance, the statement of Indian Defence Minister Pranab Mukerji before a gathering of foreign policy experts at the Carnegie Endowment for International Peace at Washington on June 28, 2005 at http://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/india/2005/india-050628-rferl01.htm.

portí of ideology[3]. India adheres to the view that it is for the people and government of every country to determine their own political system.

Prime Minister Manmohan Singh's Tashkent Visit

On April 25-26, 2006, Prime Minister Manmohan Singh paid an official visit to the Republic of Uzbekistan. It was the second visit of the Indian Prime Minister after a gap of 13 years and testifies to the growing importance attached to their mutual relationship by the leaders of the two countries in the emerging geopolitical equations in and around the region.

The two sides had detailed exchange of views on the issues of further development of bilateral relations in various spheres as well as on regional and international issues of mutual interest. The Joint Statement issued on April 26 spoke of ìthe similarity or coincidence of their respective positions on major global and regional issues.î On the issue of combating international terrorism, the statement said:

ìUzbekistan and India, while resolutely condemning international terrorism in all of its forms and manifestations, once again underlined their resolve, on a long term basis, to fight against terrorism, which is one of the most serious threats to international peace and security. In this regard, the two Sides emphasized the need for expeditious adoption of the Comprehensive Convention on International Terrorism within the framework of UNî

The two countries have set up a Joint Working Group (JWG) on Combating International Terrorism. The sides expressed satisfaction with the results of the second meeting of the JWG held in October 2005 in New Delhi.

The joint statement underscored their similar stand on Afghanistan. Both support the building of a ìstrong, united, prosperous and independentî Afghanistan.

Both called for UN reforms. Uzbekistan reiterated its support for the permanent membership of India in an expanded UN Security Council.

A look at the agreements signed during the visit demonstrates the accent on further cementing economic ties. The leaderships of both India and Uzbekistan are keenly aware of the fact that in todayís fast-changing and globalizing world economic order, priority importance must be accorded to cooperation in crucial areas of economy that may benefit both the countries in a significant manner. Six of the seven agreements signed during the visit are regarding cooperation in the economic and technical spheres.

Information Technology: In recent years India has emerged as a hub of computer software and a major player in the field of information technology enabled services (ITES)[1]. India is prepared to share its expertise in IT (information technology) with Uzbek friends. Earlier In October 2004, MoU was signed on the establishment of an Indo-Uzbek IT Centre in Tashkent named after Pt. Jawaharlal Nehru. The Jawaharlal Nehru Uzbekistan-India Centre for Information Technology (JNUICIT) in Tashkent was formally inaugurated by Prime Minister Manmohan Singh during his visit. Speaking on the occasion, Prime Minister said that the Centre ìsymbolizes the modern and dynamic face of India-Uzbekistan friendship and cooperation.î[2]

Development of Small and Private Enterprises: During the visit of the Prime Minister, the two sides signed on April 26, 2006 a MoU for establishing Uzbekistan-

[1] "I believe India's time has come..." *The Indian Express,* March 29, 2006.

[2] The text of Prime Minister's speech at the website of Indian Embassy, Tashkent at www.indembassy.uz.

India Entrepreneurship Development Centre at Tashkent for further development of small and private enterprises (SPEs) of both countries. The Entrepreneurship Development Institute of India (EDII) at Ahmedabad shall provide technical consultancy for the project. The Uzbek side will be represented by its State Committee on Demonopolization, Support of Competition and Entrepreneurship. The Entrepreneurship Development Centre would network with the Jawaharlal Nehru Uzbekistan-India Centre for Information Technology (JNUICIT) in Tashkent for imparting training in information and computer technologies.

Cooperation in the Field of Energy: With its economy growing at the rate of 6-7 per cent annually for the past fifteen years, Indiaís energy needs have grown exponentially. India has emerged as one of the major importers and consumers of hydrocarbons. Uzbekistan has significant hydrocarbon reserves. It is estimated to have 594 million barrels of proven oil reserves. Its estimated gas reserves are 66.2 trillion cubic feet (Tcf). It is the second largest natural gas producer in CIS after Russia and is one of the top ten gas producing countries in the world. Little wonder, cooperation in the field of hydrocarbons is acquiring the priority character. During Prime Minister Manmohan Singhís visit, MoU was signed for cooperation in the field of oil and natural gas between the Ministry of Petroleum and Natural Gas of India and the national holding company Uzbekneftegaz of Uzbekistan. The sides have agreed to ìundertake joint studies and partnerships to secure oil and gas supply of the two countries by investment in third countries.î Opportunities in Central Asia, Southeast Asia, the Middle East and Africa are seen as high priority areas for such cooperation. The two have also agreed to ìencourage execution of large engineering and construction contracts including Oil and Gas Pipeline Projects by Uzbek and Indian companiesî. Subsequently, on May 18, 2006, Indian Cabinet took the decision to join the 1970-km long Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India gas pipeline project estimated to cost $3.5 billion[1]. Experts believe that the proposed Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India gas pipeline can become more viable if the Uzbek gas is also fed into the proposed project. The MoU signed between India and Uzbekistan for cooperation in the energy field holds considerable promise for the future.

Cooperation in the Field of Geology and Mineral Resources: the Ministry of Mines of India and the State committee of Uzbekistan for Geology and Mineral Resources signed on April 26, 2006 MoU for cooperation in the field of geology and mineral resources. The MoU is signed for a period of five years and shall be automatically extended for a further period of five years unless one of the parties notifies its intention to terminate it six months prior to the expiry of the term. The objective of the agreement is to create ìjoint ventures in the area of geological studies of sub-soil and development of mineral depositsî on the basis of the principles of equality and mutual benefit. Earlier, in preparation to the visit of the Prime Minister, the sixth Session of the Inter-Governmental Commission on Trade, Economic, Scientific and Technological Cooperation between India and Uzbekistan had taken place in Delhi in March 2006. At that time the proposal was mooted for the participation of Indian companies in the mining of gold in Uzbekistan[2].

Cooperation in the Field of Agricultural Research: Agriculture occupies a vitally important place in the economies of both India and Uzbekistan. The wide-ranging

[1] *The Hindu,* May 19, 2006.
[2] *India CIS Newsletter,* vol. xviii, no. 2, March 2006, p. 4.

cooperation between India and Uzbekistan also includes cooperation in the field of agriculture. One of the seven documents signed during the visit of the Prime Minister, was the work plan for 2007 for cooperation in the field of agricultural research and education between the Indian Ministry of Agriculture, Department of Agricultural Research and Education and the Ministry of Agriculture and Water Resources of the Uzbek Government.

Memorandum of Understanding between the State Trading Corporation of India and "O'zbekyengilsanoat" State Joint Stock Company: The two entities decided to cooperate for the development of the textile industries of the two countries, to promote their products into other countries, to facilitate mutual technical exchanges and expand mutually beneficial investments and cooperation in establishing joint ventures on the basis of existing production facilities in Uzbekistan.

Cooperation in the Field of Education and Culture. As the above account shows maximum number of documents signed were in the economic and technical fields. At the same time, duly recognizing the importance of cultural and educational cooperation, the two sides also signed MoU to establish ties between Delhi University and Tashkent State Institute of Oriental Studies to promote academic, educational and research cooperation between the faculty and students of the two institutions. The MoU signed for a period of five years initially may be further extended for another five years. It envisages exchange of faculty members, students, administrative managers/coordinators and academic materials; and cooperation in joint research, seminars, academic and cultural programmes. The two sides would study each otherís history, philosophy, languages and literature as well as economic, political and technological developments in the two countries. They may carry on joint research projects including translation of manuscripts.

The concept that binds India and Uzbekistan today is ëpartnership for prosperityí. Owing to their geopolitical weight in their respective regions and commonality of approach on a number of issues, the two countries can contribute to the maintenance of peace, stability and sustainable development of the entire region encompassing South and Central Asia.

In the centuries-old interaction between the peoples of the two countries, the present period is of particularly critical historical importance. If the two countries successfully join hands through multiple bonds of mutually-beneficial cooperative ties; they can influence the course of future developments in the region to their mutual advantage.

The need is to work in a positive and constructive manner and maintain stability while moving ahead.